ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ

ЛЮДМИЛА МАЛЁВАНАЯ
ЛИЛИЯ ПОДГАЙСКАЯ
ИРИНА ЦВЕТКОВА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ "АНДРОМЕДА"

Лучший детектив

Ирина Цветкова

Лучший исторический детектив

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Цветкова И.

Лучший исторический детектив / И. Цветкова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Лучший детектив)

В сборнике «Лучший исторический детектив» собраны произведения, в которых интриги и тайны приправлены историческим антуражем. Придворный этикет Российской империи 18 века, средневековые замки древнего герцогства Швабия 10 века, жизнь в провинциальном городке довоенной Польши начала 20 века — и на их фоне борьба за престол, таинственные убийства и разоренные могилы. Интригует? Тогда предлагаем ознакомиться со сборником, в который вошли романы Людмилы Малёваной «Кукла с Кальварии», Лилии Подгайской «Проклятый замок» и Ирины Цветковой «Самозванка Российской империи».

© Цветкова И.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

Людмила Малёваная 5
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Лучший исторический детектив

Людмила Малёваная
Кукла с Кальварии

Тина прутиком отряхивала присохшую к подолу грязь. Прошедший утром дождь размочил тропинку к кладбищу, и глина, вылетев из-под каблуков, налипла на юбку. Сейчас солнце выкатилось из-за тучи, быстро высушило шёлк и заглядывало в Христинины покрасневшие глаза, спрятанные за чёрным крепом. Приколотый к шляпке, креп надёжно скрывал от пересудов, которых и так хватало, лицо и потускневший взгляд неутешной матери.

Только что ходила к мессе, в костёл святого Лаврентия. Чёрной тенью прошла к скамьям, улыбнулась и села, прошелестев шёлком чёрного платья.

– Чистая монашка, – зашептал кто-то справа.

– Пани Ванда, это же та самая молодая Германова, что дитё схоронила и умом тронулась?! – громко спросила грузная пани, сидевшая за спиной у Тины.

– И что теперь?! Бог дал, Бог взял, – шумно с одышкой зашептала невидимая пани Ванда и возмущенно добавила: – То ж никак не можно весь час ходить в чёрном и с закрытым лицом, как муслиманка!

– Истинный крест, – отозвалась грузная пани.

Тина сидела недвижимо, застыв как Скорбящая Божия Матерь. Гладкие чёрные волосы собраны в тугой пучок, только на висках завитые пушистые локоны; голубые глаза смотрят невидяще и тускло мерцают под густым крепом.

После проповеди и коллекты настала очередь евхаристии. Верные выстроились к епископу за причастием. Хор пел «Gloria», ввысь, вместе с дымком от кадил, летело: «…Амен… амен… амен». Тина медленно поднялась и встала в конец очереди.

В момент, когда Тина проглотила чуть кисловатую облатку, в костёл влетела птица.

Отец Рафал проводил вестницу Святого Духа долгим взглядом.

– Знак, – сказал он, для всех и для Христины.

Верные зашептались, со всех сторон к Тине полетело слово: «Знак… знак…» Птица заметалась, пролетела мимо Христины, задев крылом вуаль.

Тина, развернулась и бросилась прочь из храма, на ходу поправляя шляпку и набрасывая на лицо вуальку. Из полумрака костёла она вышла на свет и на мгновенье замерла – солнце ослепило. После дождя сладко пахло жасмином, от земли шёл пар, лёгкий ветерок приносил разные запахи. Тина поспешила к Кальварии – городскому кладбищу. Остановилась отдышаться возле безликого Ангела с Глинской брамы. На ангела села та самая серая птаха, нахохлилась, встряхнула крылышки и полетела в сторону кладбища впереди Тины.

«До Кальварии двенадцать Ангелов», – вспомнила Христина, детскую песенку.

– До Кальварии моей, сорок лет и сорок дней, двадцать зим и двадцать вёсен – десять раз явится осень. Путь далёк, и днём и ночью пусть ведёт мой Ангелочек, – тихо напела Тина.

– Ну, доброго тебе денёчка, кровинушка моя!

Поймав слезу на щеке, Тина обтерлась рукавом и глубоко вздохнула.

– Я тебе гостинчика принесла, петушка на палочке. Сейчас вот на салфетке положу, – бормотала Тина, одной рукой дёргая траву на холмике, а второй вынимала из редикюля маленький свёрток. – Вот так… Теперь чистенько. Угощайся, Линуся.

На цветастом, по-праздничному обшитом, сатиновом лоскуте лежал огромный красный леденец, он светился на солнце прозрачным бочком, нарядный, как с ярмарки.

Каждое утро, перед работой, Тина приходила на могилку дочери, сидела рядом и рассказывала нехитрые новости.

Совсем недавно ее Линуся, пятилетняя шалунья, бегала по комнате, хохотала, а теперь лежит здесь, под землей, и больше нет в жизни никакого счастья.

– Спрашивают про тебя люди, – говорила Тина, глядя на тронутый нежной зеленью холмик. – Говорят, где ваша дочурка, пани Христина? А ту даму, вдову по капитану Скульскому, что куклу тебе подарила, помнишь ещё? Платье мы той кукле шили, парчовое. Так вдова наряд для свадьбы заказала – всё фасонное! Шляпка с вуалеткой, платье и перчатки ей прямо из Варшавы доставили! Не лучшая партия, хоть казначей из Управы и важный кавалер, – вздохнула Тина. – И вдовый также.

Сломанная ветка молоденькой липки склонилась к земле и Тина, оторвав от кисеи лоскут, взялась подвязать деревце. Тишина на кладбище стояла такая, что Тина слышала только своё дыхание и крики стрижей над головой. Подвязав липку, она вздохнула и повернулась к могилке. Летний день обещал быть дождливым и прохладным. Налетел ветер, растрепывая пряди волос, что выбились из причёски, и принёс с собой тихую песню.

– До Кальварии моей, – детский голосок пел колыбельную и медленно приближался к месту, где сидела у могилки Христина. – Пятый Ангелочек-страж, верный охоронец наш…

– Ой, Езус-Мария!

Из-за зарослей калины вышла девочка, в руках она держала большую куклу в платье из парчи. Лица девочки Тина не видела, а только фарфоровое лицо куклы и, сверкающее на солнце, парчовое платье.

– Линуся… – прошептала Тина.

Такая радость нахлынула, что она потеряла дар речи, ни бежать не могла, ни идти, ноги не шли, да и куда бежать, когда это её Линуся идёт навстречу! От воскресшей надежды Тине стало жарко. Она отбросила креп назад и опустилась коленями в жидкую кладбищенскую грязь.

Тина мелко-мелко крестилась, взахлёб читая:

– Радуйся Мария, благодати полна… – Под порывами ветерка лёгкий креп наползал на лицо, а Тина раз за разом отбрасывала его назад.

Девочка подошла чуть ближе и Тина увидела её лицо.

– Не моя, не моя это Линуся, – проговорила она. Сил не было, как душно вдруг стало от того, что чужая это девочка. Да и как она могла забыть, что девочка её здесь, под землёй лежит. – А ты что тут одна, на кладбище, делаешь? – спросила Тина.

– Живём здесь тут недалеко, – серьёзным голосом ответила девочка.

– А зовут-то тебя как?

– Настусей называют.

Христина присела перед девочкой на корточки. Вот кого она испугалась – невинного ребёнка испугалась. Кому скажи – засмеют. Ох, доведут слёзы на могилке в Духов день… Да, не до добра. Лину не вернёшь, так и незачем на кладбище горе высиживать. Посмотрела Христина в детские глаза и, впервые за всё время с похорон дочери, улыбнулась.

– А где твои родители?

– Батя сейчас пьяный спит.

– А мама где?

– Нету мамы. Померла она прошлым годом, – отвечала девочка. – Родами померла.

После задумалась и серьёзно, по-взрослому, добавила:

– Ребёночек с ней остался. Шутка ли, два дня промучиться.

Тина слушала, а всё на куклу смотрела. «Матка Боска! Так это ж точно Линуськина кукла! – думала Тина – Только откуда ей здесь взяться? Ведь в гроб сама положила. Своими руками!»

– Пойду я. Мне еще в доме прибраться нужно, пока батя не проснулся.

Девочка заспешила по тропинке прочь от Христины, а та и подняться не может, словно что-то держит её у могилки дочери.

Девочка ушла, а Тина обошла вокруг холмика, поправила немного, выдрала из земли разросшийся осот.

– Спокуй панский, моё сердечко, – прошептала она и пошла к воротам кладбища.

– Доброго утра, пани! – важный пожилой господин, в скроенном по последней моде пиджаке, обогнал Тину и пошел вперёд к бричке, что стояла у дороги. – Еду в город. Не желаете составить компанию?

– Если, пану это не в тягость, то я, пожалуй, соглашусь, – ответила Тина, оглянулась на кладбище и вдохнула.

Девочка из головы не идёт вместе с куклой этой. Странная встреча случилась сегодня, откуда такие куклы похожие?… Так разве только лицом фарфоровым? Платье вот то же, парча двуцветная, индийская. И пошив того платья сходится. Эх, если бы с изнанки глянуть, тогда бы точно можно сказать, кто к нему руку-то приложил…

Тина так задумалась, что и не заметила, как бричка, поскрипывая на одно колесо, въехала в город. Пожилой господин внимательно рассматривал её лицо и дымил сигарой. На козлах сидел совсем юный хлопчик, но довольно ловко управлялся с норовистой кобылкой.

– Вы о чем задумались? – поинтересовался господин, прищурив правый глаз, выдохнул облако дыма и представился: – Честь имею рекомендовать себя – Эдвард Мрозовский.

– Германова Христина, – кивнула Тина, смущаясь то ли острого взгляда, то ли дорогого костюма и галстука пана Мрозовского.

«Назвал исключительно имя, а место службы утаил, значит ли это, что и мне не надо говорить, что держу мастерскую?» – подумала она.

– А отчего вы, пани Германова, в одиночестве гуляете по таким удивительным для прогулки местам?

– Что же в кладбище удивительного?

– А вы не находите, что там случаются вещи куда более необычайные, нежели в городе или дома?

Тина сдержала возглас, ответив улыбкой на вопрос, но про себя подумала, что зря согласилась подъехать до города с этаким авантюристом.

– Вы не могли бы мне остановить у той вон булочной?

– Выходит, что вы уже приехали? – спросил пан Мрозовский. Он напустил на себя расстроенный скорым расставаньем вид, и медленно протянул ей руку, чтобы помочь.

– Да. Я вам благодарна, пан Мрозовский, за вашу доброту, – поклонилась Тина, соскочив с брички. – Я знаете ли, немного шью. Так мелочи. Моя мастерская через две улицы. Прошу вас посетить при случае.

– Ну что вы! Пустяки! Жаль, что мы не закончили разговор, но, если позволите, вот моя визитная карточка, мы в другой раз его продолжим.

Мрозовский коротко кивнул, тронул поля шляпы и толкнул хлопчика в спину. Бричка покатилась по брусчатке, подпрыгивая и поскрипывая на одно колесо. «Странный господин, похоже, что из военных, – подумала Тина, не глядя пряча в редикюль визитку, и скоро забыла о нём думать – все мысли занимала увиденная на кладбище кукла в руках девочки.

Об утреннем знакомстве ей напомнила одна клиентка. Молодая и шумная лавочница, пани Рузя, из лавки Скарбика с Рынка, иногда приносила Тине постельное бельё и деликатную мелочь в ремонт.

О Рузе ходили слухи, что она сбывает краденое, но это не уменьшало количество желающих быть с ней на короткой ноге.

– Тина, у тебя дела пошли в гору? – спросила Рузя, выкладывая на стол тряпьё в ремонт. – Сбросила муслиманство? Морда глянц?

– Живу, как и раньше, – ответила Тина, поправляя шляпу на манекене. – У тебя столько платья всякого, видать-то у тебя дела в гору пошли, что успеваешь и прикупить, и сносить.

Тинина колкость не осталась без внимания.

– За тобой не успеешь. Год, как мужа схоронила, три месяца дочку, а уже такого кавалера себе отхватила. – Рузя широко улыбалась, кокетливо склонив голову набок, поправляя рукава «с напуском» на модной шёлковой блузе, словно она сама перед тем кавалером сейчас и самое время заигрывать.

– Какого, прошу, кавалера?…

– Тот твой муслиманский шик…вдовица-таемница. Так и притягивает к себе хлопов. Лезут, как мухи дурнуватые. Как думаешь, Тина? Если в чёрном стану ходить, меня скорее замуж возьмут?

– А ты попробуй. Может, и возьмут, – ответила Тина. – Тебе, блонде, чёрное к лицу.

Будешь иметь стройный вид.

– Вот и люкс, – фыркнула Рузя и вышла, звякнув колокольчиком у двери.

Христина оглянулась, сколько её ждало сегодня работы, и прогнала мысли прочь. Ни один звук не любила Христина так как стук машинки. Настоящий Зингер – поскрипывал шкивом колеса, игла строчила, та-та-та-та.

Тина задумалась: «День сегодня выдался странный, и еще кукла эта, и пан Мрозовский, где он только взялся у ворот Кальварии?… А Рузя? Ведь её не было возле булочной, так из какого окна она свои глаза выставила? Вот уж кто все сплетни первой узнаёт.

Утро плавно перетекло в день. Колокольчик у двери жалобно тренькнул и затих. Вошедший остановился на пороге, не сделав больше ни шагу. Тина как сидела в каморке с шитьём в руках, так и замерла. Она не сомневалась, что это мужчина, что он обязательно высок и силён, но оставалась сидеть на стуле тихо как мышь. Неизвестный ничего не спросил, не позвал хозяйку, потоптался на пороге, хрипло откашлялся и вышел. Христина опрометью бросилась к двери, чтобы посмотреть на неизвестного гостя, но, среди редких в этот час прохожих, на улице она не заметила ни одного высокого мужчины.

– День добрый, пани Кшыся!

Перед Тиной стоял пан Мрозовский.

– И вам доброго дня! – кивнула Тина, мимолётно подумав: «Удивительно, как неожиданно умеет возникать этот пан!»

В ту же минуту из проулка вышла щедро декольтированная Рузя. Завидев пана, Рузя широко заулыбалась и так понесла своё молодое тело, покачивая пышными бёдрами, что казалось – в талии оно непременно сломается.

– Вот уж принесла нелёгкая, – буркнула Тина, наблюдая эту «дефиляду».

– Это вы мне, прошу?! – спросил пан Мрозовский.

– Ой, да то не вам! Прошу пана, не вам! – Христине даже дурно стало, такой некрасивой вырисовывалась ситуация. – А вы ко мне по делу идёте, или так, ранковый променад?

– Я к вам, если позволите, лично – недовольно ответил он.

Рузя поравнялась с мастерской, похлопала ресницами и тревожно оглянулась – демонстрируя себя же сбоку. – Ах, фрайда реальна, – томно заявила она, адресуясь Христине, – Слава Исусу Христу!

– Навеки слава, – равнодушно ответила та.

Рузя подошла почти вплотную к пану Мрозовскому и поклонилась, она выставила одну ручку для поцелуя, а вторую возложила на то самое смелое декольте. Тине стало стыдно.

«Вот ведь, хвойда! Не упустит момента, чтоб не выпятить перед порядочным человеком чего не надо», – рассердилась Тина, но виду не подала, а усмехнулась галантно и профессионально.

– Рузюнця, солнце моё, ты мне еще заказ принесла? Смотрю, что так скоро вернулась. А может ты мимо шла, а я задерживаю?

– Ты меня, Тина, не задерживаешь. Я женщина свободная и сама себе хозяйка, – ответила Рузя, дерзко глядя в глаза пану Мрозовскому, и поправила завиток на лбу.

«Папильотка», – мстительно подумала Тина.

– Не репрезентовала нас, – жеманно пропищала Рузя, морща курносый носик в рыжеватых конопушках. – А ещё колежанка называется.

– Правда, неловко вышло, – пробурчала Тина, – Рузюнця, то пан Мрозовский, он где-то из Ратуши.

Мрозовский, хоть и немолод давно, а живот втянул да подбородок задрал. Окинул всех шляхцицким взором и потрогал ус. «Сейчас скажет что-то мерзкое», – подумала Тина и быстро протараторила вслух:

– А то моя старинная подруга – Рузя Ковальчук, прошу паньства.

– Не такая старинная уже, – злобно прошипела Рузя, силясь сохранить улыбку, – Впрочем, я так тороплюсь.

Мрозовский вспомнил, зачем шел и отозвался:

– Я к вам, пани, по важному делу. Если у вас есть свободная минутка, то прошу уделить её мне. – С этими словами он открыл дверь в мастерскую, словно приглашая войти к себе домой.

– Видишь, Рузя? Ангажирована нынче. Свободного момента не имею. – Пожала плечами Тина, кивая на Мрозовского, и вошла.

Мрозовский щелкнул каблуками перед ошарашенной Рузей, кивнул и вошел следом за Тиной.

Мрозовский прошелся по салону, заглядывая во все углы, осматривая стены, витрины и каждую мелочь на полках. Он не поленился согнуться вдвое и заглянуть в высокую вазу на полу.

– Вы разве бывали у меня раньше? – спросила Тина.

– Я? Нет, конечно! Впервые имею честь посетить ваш салон. – Мрозовский приветливо улыбался и заглядывал в раскрытую дверь каморки. – А там у вас что?

– Там у меня приватный покой и мастерская. Проходите, если вам уж так любопытно. Я женщина честная, никого не прячу. Вдова я.

– Что вы, пани Кшыся, я совсем не потому интересуюсь! Я так сказать в силу профессиональной привычки, – сказал Мрозовский и втиснулся в каморку.

Христина пошла за ним следом. «Экий профессионал! Вот так и пропадают вещи в приличном доме», – насупилась она.

Пан Мрозовский покрутил колесо на машинке, порылся в куче тряпья, принесенного утром Рузей, заглянул в ящик, выдвинутый из комода.

– Что вы, прошу пана, себе позволяете! – возмутилась Христина и с силой задвинула ящик обратно. Старый креденс противно скрипнул, и на пол свалилась фарфоровая собачка. От удара у собачки отвалилась голова.

– Прошу пана выйти! Сейчас же! Кто дал пану право?

– А кто вам принес тот шмальц? – спросил он, ткнув пальцем в кучу на столе.

– Прошу пана, шмальц, по другому адресу. Вам подсказать или найдёте сами, равно как и выход?

– На Бога! – пролаял Мрозовский. – Тише, тише, пани Кшыся. Не нужно так кричать, еще услышат люди. Что они тогда скажут? Что «двуйка» в Жолкеве не умеет работать тихо?

Тина обомлела. Такой приличный с виду господин и из этой людожерской «двуйки».

За последние годы власть в городе менялась множество раз. Сплетен Тина не слушала, была богобоязненной и скромной, а каждую пятницу ходила помолиться в костел святого Лаврентия, в малый Вавель, как издавна окрестили костёл за красоту сооружения. Христина молилась и просила всех, захороненных в подземелье костёла, Жолкевских, основателей города, а так же всех рыцарей и королей, что лежали здесь же.

– Но что надо дефензиве от вдовы? Опись маестата? Донос? Показания?

– От вас пока ничего. Так… Одни догадки, – устало сказал Мрозовский и уселся на единственный в каморке стул. – С вашего позволения я присяду. А Ефрозынию Ковальчук… Рузю эту вы давно знаете? Это она вам вещи в ремонт носит?

– Давно знаю. Только что вам с того? Я её еще девчонкой знала.

– Да ну? Вы жили в Варшаве? – нарочито серьёзно спросил Мрозовский.

– Не жила я там. А Рузя – наша, местная она. Сирота. Вот и врёт всем, что она варшавская пани. Они на пару с Зельдой Марш врут, что варшавянки. Только Марш говорит ещё, что в Париже жила.

– Интересно… Наша, значит… – то ли спросил, то ли так сказал Мрозовский. – А откуда она столько вещей носит, вы тоже не знаете?

– Я думаю, что это заказчицы пани Марш несут, а она мне отдаёт заработать, – неуверенно сказала Христина, она теперь очень сомневалась в том, откуда берёт вещи Рузя. – Да не слушайте вы завистников! Они на Рузю наговаривают! К чему порядной панянке знаться со шмальцовниками?

Мрозовский слушал Христину, чуть склонив голову и сложив губы дудочкой под куцыми усами. Усы его Тине сразу не понравились: похожие на щетку для сапог и такие же чёрные. Мрозовский неожиданно сменил тему разговора.

– А будьте любезны сказать, пани Кшыся, кто вас так испугал там, на Кальварии?

Тина округлила глаза, в надежде, что неприятный гость скорее покинет её мастерскую.

– Попрошу не строить гримасы, – заметил Мрозовский, – Здесь не циркус. Слушаю вас.

– Девочка там была. С куклой. А испугалась я, что на мою Линусю похожа. А так… ну сами знаете, Духов день… кладбище.

– Чем же она так на неё похожа?

– Запрещаю вам этот издевательский тон, прошу пана! Куклой она похожа: платье на той кукле ну точь-в-точь как я для Линуськиной шила.

– Вы могли кому-то отдать после похорон эту куклу, – предположил Мрозовский.

– Нет, не могла, – ответила Тина, глядя на руки. – Куклу эту я ей сама в гробик положила. Любимая это была кукла у дочери.

Мрозовский тяжело поднялся со стула, опять покрутил колесо на машинке и направился к двери.

– Спасибо вам, пани Кшыся, вы оказали неоценимую услугу всей «двуйке» в моём лице, – проговорил Мрозовский важно, поджимая губы и топорща при этом усы. – Вы позволите к вам обратиться в случае крайней необходимости?

Вроде и ничего не было каверзного в этом вопросе, но Христине стало ясно как Божий день, что в случае той необходимости её никто не спросит, хочет ли она говорить с паном Мрозовским. Потому Христина пожала плечами и кивнула:

– Обращайтесь, если вам этого так надо. Только что с меня взять? Пользы с меня никакой.

– Ну, не скажите. Желаю здравствовать!

Мрозовский щелкнул каблуками, кивнул и вышел из мастерской.

Христина почувствовала навалившуюся усталость и налила воды из графина на столике.

«Такой тяжелый человек. Все жилы вытянет своими вопросами. Замучил. Душу вымотал. Забыть бы про куклу… Надо будет ещё раз на Кальварию сходить, вдруг выйдет случай, ещё раз увидеться с той девочкой», – думала Христина, отпивая воду мелкими глоточками.

Мрозовский оглянулся на окна мастерской и подумал, что нащупал ниточку к одному делу, не зря он подвёз белошвейку, ой, не зря… Надо непременно выставить слежку за этим копателем…

Ночью Тине не спалось. Она всё просыпалась, то от предгрозовой духоты, то от тяжелых мыслей. Ещё с вечера решила она, что пойдёт к пану Мрозовскому, но хотелось убедиться, что не зря придумала к нему идти. Тина не находила покоя: пан Мрозовский казался ей неприятным и даже мерзким, но выхода иного, чтоб разобраться откуда кукла у Настуси, бедная женщина не находила.

– Встречу – и тогда спрошу! А уж, если что, пойду в Ратушу, – сонно подумала Тина и уснула.

* * *

В будний день на Рынке было малолюдно. Часы на городской Ратуше только что отбили полдень. Голуби расселись на карнизе ратушной башни и затихли словно перед святой литургией.

Все хозяйки покупки сделали с утра, только школяры вертелись, как ужи, у хлебной лавки, да у лавки кондитера, совали свои носы в двери, на запах утренней выпечки.

Рузя скучала, выглядывала в окно, рассматривая красивого и рослого не по годам хлопца в школярской одежке. Зевнув, она прошла за прилавок, запахнулась в шаль и только хотела усесться поудобнее в кресле и вздремнуть часок, как звякнул колокольчик у двери и в лавку вошел пан Мрозовский собственной персоной.

– Доброго вам дня, пани Ковальчук! – он приподнял шляпу и кашлянул.

– И вам не хворать, – ответила она. Изогнулась как кошка, опершись локтями на прилавок и надула без того пухлые губы. – Чего желаете? Может вам штаны помочь подобрать или сюртук праздничный? У нас и галстуки заграничные имеются, и булавки к ним.

– Спасибо, привык обшиваться у знакомых. Я к вам по другому вопросу.

– Это у Тины привыкли? – скривилась Рузя. – Такой приличный пан и обшивается у простой швачки. Я вам могу предложить такой товар. Чисто люкс! Не пожалеете.

– У кого я обшиваюсь, то не ваше дело, пани Ефрозыния, – отрезал Мрозовский.

Он оглянулся вокруг: стены в лавке закрывали бесконечные полки да вешалки, где лежало и висело уйма разнообразного тряпья, вполне приличного вида, и совсем непохожего на поношенное.

– Прошу пани, у вас комиссионный магазин?

– Как видите, – ответила Рузя и развернулась спиной, делая вид, что поправляет товар. – Я того не скрываю, на вывеске всё написано – лавка Скарбика, да и уплачено куда надо.

– А куда надо? – прищурился Мрозовский.

– Прошу, пана, а то вы не знаете, кто на рынке поборы ведёт? Разве то не ваши коллеги? – спросила Рузя, ухмыляясь.

– Ладно вам, знаю я. Думал, может, кто еще приходит и сборы идут мимо Ратуши.

– А вы не думайте так много, пан Мрозовский, – дерзко отвечала Рузя, не забывая поводить плечом так, что тонкий шёлк блузки оголил плечо, показав кружево нижней сорочки. – У меня простая лавка, вы бы к мяснику или в колбасную лавку зашли. А что пан может взять с беззащитной женщины?

– Простая, говорите? – переспросил Мрозовский, пропустив мимо ушей тираду, он рассматривал белые сорочки, что висели одна на другой. – Хорошие сорочки.

Он еще немного походил по магазину, совсем не обращая внимания на хозяйку и пристально рассматривая товар. Рузя не выходила из-за прилавка. Она сидела в кресле, закинув ногу на ногу, трепала бахрому на шали и покусывала нижнюю губу.

– Спасибо, пани Рузя, – Мрозовский кивнул, прощаясь. – С вами было приятно вести беседу.

– Прошу пана… – ответила Рузя, опешив, и добавила дежурную фразу: – Приходите снова, может, надумаете что-то купить, так я помогу пану сделать выбор такой, как надо.

Когда дверь за Мрозовским закрылась, Рузя сплюнула в пол и выругалась.

Утро выдалось солнечным и тёплым. Обычную для этого времени свежесть в воздухе заменил парной зной, как обещание грозы ближе к полдню. Тина торопилась на Кальварию, чтобы до грозы успеть вернуться в мастерскую. В том, что гроза непременно случиться, она не сомневалась. Даже синее безоблачное небо не могло её обмануть – земля парила и хотела дождя. Сегодня Христина шла не на могилу Линуси, она искала встречи с вчерашней девочкой. Чёрный креп по-прежнему скрывал глаза, каждый шаг Тины отзывался шелестом тяжелого шёлка на юбке.

– Встречу – обязательно спрошу, где она ту куклу взяла. Непременно спрошу! – обещала себе Тина и торопливо шла, поглядывая на небо, не бегут ли следом дождевые облака.

Ласточки тоже ждали дождя и кружились почти над землёй, ныряя в облака мошкары. На тропинке, неподалёку от могилки Линуси, в пыли купались воробьи. Они не испугались подошедшей Христины, а только перебрались немного дальше.

– Ну, здравствуй, моё сердечко! Как ты здесь?

Тина поцеловала надпись на кресте и повязала на него голубую ленточку. А после уселась на скамейку и нервно так начала посматривать меж могилок. Уже и солнце выкатилось высоко на небо, и облака кудрявые набежали, а Христина всё не уходила, надеясь, что девочка появится. Тина сидела, словно каменное изваяние, задрапированное в черный шёлк. Только креп на шляпке бился раненой птицей на ветру.

– Пойду я, Линуся! Работать мне нужно, а еще до города добираться, – сказала Христина, поправила ленточку и потихоньку пошла по тропинке меж могилок к кладбищенским воротам.

Почти у самых ворот стояла Настуся, зажав под рукой ту самую куклу и пытаясь заплести ей косу.

– Помочь тебе? – спросила Христина, не веря такой удаче.

– Доброго вам дня, – ответила Настуся. – Помогите. Никак не могу её причесать, всё лохматую ношу.

Христина взяла куклу в руки и, сделав вид, что рассматривает её одежду, подняла подол кукольного парчового платья. «Езус Мария и Святые угодники! Это же быть такого не может! Это же не без нечистой силы всё делается…» – думала Христина, забыв, зачем у неё в руках эта кукла.

– Пани, вы если не хотите помогать, то отдайте куклу, я сама как-нибудь её заплету.

– Очень уж у тебя она красивая и платье необычное. Скажи, Настуся, а откуда ты её взяла? Подарил кто?

– Это батя подарил, – гордо отвечала девочка. – Он меня не балует, точно вам говорю. Красивая она у меня, правда?

Девочка так искренне смотрела Христине в глаза, что только память о дочери да чудесное совпадение с куклой (а Христина ещё верила, что это совпадение), принудили продолжить задавать вопросы.

– А где же ты живёшь, что гуляешь по Кальварии?

– Мы с батей на хуторе живем. Это недалеко отсюда.

В душе Христины всё трепетало. Наскоро попрощавшись с девочкой, она поспешила в Управу, к пану Мрозовскому.

Здание Управы стояло рядом с рыночной площадью, в тёмном сквере возле Василианского монастыря. Среди людей о «двуйке» ходили недобрые слухи. Говорили, что однажды в тамошнем подвале нашли повешенного, и никто не знал кто он. Из местных тело никто не забрал. Не признали, значит. А торговки на рынке шептались, что тот висельник воет ночами в подвале. Даже важные господа из Управы в подвалы заходить не решаются. Кому-то из господ Гринька-мясник родичем приходится, потому и просили Гриньку в подвал сойти. Он об этом сам рассказывал, когда напился в Рождество. Говорил, что не видел в тех подвалах никого, а раз не видел, так, значит, то дух висельника воет, никому не видимый.

Тина перекрестилась на монастырь, нащупала в кармане визитную карточку пана Мрозовского и решительно подошла к дверям Управы. Она толкнула тяжелую дверь и вошла в тёмный коридор. Внутри оказалось прохладно, и тянуло сыростью из проклятого подвала. Постояв некоторое время, и не дождавшись, чтоб кто-то из многочисленных господ обратил на неё внимание, Христина поёжилась и постучала в первую попавшуюся дверь, чтоб спросить, где ей искать Мрозовского.

– Доброго дня! А нельзя ли спросить… – начала Христина и запнулась. После темноты коридора комната, казалось, залита светом. От табачного дыма Христина расчихалась, а потом и вовсе закашлялась. Потому, чтоб не стоять столбом протянула визитную карточку пану, сидящему за столом, и ткнула в неё пальцем. – Прошу пана указать кабинет…

Из глаз Тины лились слёзы и не собирались прекращаться. Теперь ей стало страшно неловко перед хозяином кабинета.

– Вам на второй этаж, – хрипло сказал пан. – Комната как раз над моей.

– Очень я вам, пан, признательна! – Христина выхватила визитную карточку из руки хозяина кабинета и выскочила в коридор отдышаться.

Вскоре она сидела перед Мрозовским и рассказывала о своих волнениях.

– Пан Эдвард, платье-то это точно моё. Парча двухцветная осталась от платья, что для одной дамы шила. Она ещё любезно все обрезки оставила, для Линуси. Вы не подумайте чего! Я не какая-то полоумная с горя. При памяти я. Сегодня была на Кальварии и снова ту Настусю встретила, девочку маленькую, такую же, какой моя Линуся была. Так я куклу ту в руках держала, точно вам говорю! И платье видела, и с изнанки смотрела – моими руками оно сшито!

– Вы, пани Кшыся, успокойтесь. Воды выпейте, – Мрозовский придвинул графин с водою и поставил стакан. – А с чего вы так беспокоитесь? Ведь куклу могли украсть из вашего дома во время похорон. Могли?

– Могли, но её не крали из дома! – Тина сцепила обе руки, сложив как на молитву. – Вы меня разве не слышите? Говорю вам, что я ту куклу сама в гробик к дочери положила! А теперь с ней другая девочка ходит. Я бы ей куклу просто так отдала, но кукла-то должна рядом с Линусей лежать. Видела я, как гробик заколотили, опустили в яму и забросали землёй. Никто из гробика куклы не вынимал!

Тина выговорилась, выдохнула и плеснула в стакан воды. Пока она пила, Мрозовский внимательно на неё смотрел. А после вдруг спросил:

– А где, говорите, служит отец Настуси?

– Могилы он роет. Так Настуся сама мне и сказала. И живут они неподалёку, на хуторе.

Уходила Тина с тяжелым сердцем. Всё казалось, что висельник из таинственного подвала теперь за нею уцепится и в её доме выть станет.

* * *

Эдвард Мрозовский был не из тех, кто старается начальству угодить и с особым рвением своё дело делает. Он был склонен не противиться обстоятельствам, дабы не попасть впросак с излишним усердием. Вот, если возьмётся он старательно за дело, а пока концы найдёт, начальник дело-то и прикроет. По родственному, чтобы зятю брата жены, к примеру, не навредить. А так, смотришь, другая неделя пошла. Начальник торопит, газетчики всё на первой полосе выложили. Тогда не грех и постараться. Хотя случались моменты в жизни Эдварда, когда он подобно породистой ищейке, что называется, носом землю рыл. Самому себе он объяснял подобное усердие довольно просто: «Кто же поможет этой несчастной женщине, если не я. А она, бедняжка, так мила, что хоть бы и сейчас с нею уединился». Уединяться не каждый раз получалось, но Эдварду и того хватало.

Мужчиной он был холостым. Скандал с супругой все давно забыли, или сделали вид, что не помнят, или просто этот наскучил, так как новые скандалы всегда случаются. Супруга-то сбежала с заезжим жиголо, после прислала одно письмо, в котором сообщила, что снова вышла замуж, а их с Мрозовским брак теперь недействителен, ибо новый заключен в новой религии. Через полгода она вернулась, но уже к двоюродной сестре. Та собиралась принять монашество и с особым усердием взялась за возвращение заблудшей овцы на путь истинный. Так получалось, что теперь Эдвард с чистой совестью уединялся, с кем хотел.

Службу пан Мрозовский нёс исправно и по мере сил. И всё было бы хорошо, если бы не случаи на городском кладбище. Не единожды от горожан поступали жалобы на плохой присмотр за могилами. Явятся люди через несколько дней после похорон и видят – венки разбросаны, насыпь повреждена.

– Безобразие, пан Мрозовский, нет на хулиганов управы! Вот от вас только и ждём, что на место их поставите, а лучше наказать в пример другим, – говорил нотариус в кабинете Эдварда Мрозовского месяц назад. Могила его тестя через несколько дней оказалась в том самом ужасном состоянии, на которое жаловались прочие.

– Мы обязательно разберёмся. Даже не сомневайтесь! А виновных накажем. Показательно накажем!

Сейчас Мрозовский вертел в руках заявление от пани Христины Германовой. Под пресс-папье лежали многочисленные заявления от горожан.

Бричка подкатилась к воротам Кальварии. Эдвард Мрозовский соскочил на землю и крякнул, ухватив себя за поясницу.

– Ох, ты ж… грехи мои тяжкие. Сидел бы сейчас в кабинете, кофе пил, да в окне голубей считал. Ну, теперь ты, пани Кшыся, должна будешь пану Мрозовскому…

Эдвард обращался к невидимой собеседнице, потрясая указательным пальцем, а хлопчик на козлах хихикал в кулачок и крутил пальцем у виска.

Кладбищенский сторож людей не любил. Они навевали на него тоску и желание выпить. Вот и сегодня: с утра прошла похоронная процессия, и родственники усопшего

занесли сторожу, что Бог послал. Пётр, так звали сторожа, воспитан был хорошо и потому вежливо улыбнулся, даже поклонился. После разложил поминальную пищу на столике и выпил за упокой души рабы божией Домахи. Из всех людей Пётр любил только её. Покойница Домаха приходилась ему супругой. Ей одной он хранил верность. Но от осознания своей праведной жизни время от времени нарушал заветы Домахи и пил горькую. Пил он её радостно, потому что никто не подойдёт со спины и не огреет чугунной сковородкой по загривку.

Сейчас Пётр смачно закусывал краковской колбаской и квашеной капусткой, как из-за угла вышел неприятный господин. Кладбищенский сторож знал пана Мрозовского и от того считал неприятным.

– Доброго дня, пан Пётр! – поздоровался Мрозовский и кивнул на столик: – Хоронили сегодня кого-то или жалование выдали?

– Доброго. Кому он добрый, а кому последний, – скривился сторож. – Прошу пана, а что, это теперь такие порядки, что человеку в тарелку заглядывать, да про жалование спрашивать?

– Ничего подобного! Не в моих правилах напрашиваться на обеды, но вся «двуйка» давно отобедала.

– Так им делать-то нечего, вот и обедают по времени. А мне следить за всем нужно. Ямы вот людям копать.

– А вы разве сами их копаете? – спросил Мрозовский и прищурил один глаз.

– Не сам. Но таким сычом на меня зыркать не надо, я с копальщиками не рассчитываюсь, то дело хозяйское, кому и сколько давать.

– Хозяйское, говорите? А в прошлом годе, это не вам вдовая молодуха с горя перстень мужнин отдала?

– Ой, Езус-Мария! Теперь и благодарить человека нельзя, всё в одно корыто мешают – и шмальцовщиков, и честного человека!

– Так уж и отблагодарила? Вы ей такую цену за яму назвали, что честной женщине пришлось семейные драгоценности из кармана доставать. Но это всё лирика. Вы мне, пан Пётр, вот что скажите. Люди жалуются, что на могилах их шерудят, венки разбрасывают. А вы за порядком не смотрите, хоть за то вам и платят жалование от Магистрата. Может, скажете мне, часто ли бывают богатые похороны? Когда много венков, дорогой гроб, на покойнике – хорошая одежда.

Сторож равнодушно жевал краковскую, заедая квашеной капустой, и молчал. Мрозовский подошел к столику и отодвинул от сторожа миску с капустой.

– Пан Пётр, я могу не побрезговать сейчас и забрать у вас обед. А потом пройти к начальнику «двуйки» со всеми теми заявлениями, что скопились у меня в кабинете.

– К начальнику «двуйки» – это лишнее. Богатые похороны случаются, конечно.

– Вот вам карточка, чтоб не забыли, где меня найти. Пан Пётр, попрошу сообщить, когда случатся такие похороны, – сказал Мрозовский и тише добавил: – Думаю, не нужно повторять о том, что разговор у нас конфиденциальный?

– Не нужно, – ответил сторож.

Когда Мрозовский ушел, сторож налил в стопку и отломил кусок колбасы.

– Визи-и-итки он раздаёт, – скривился Пётр. – Не зря люди визитёром обозвали. Как будто я не знаю, где «двуйка» находится. Вот видишь, Домаха? Ты видишь, что за люди вокруг. Ушла, а меня оставила. Чем тебе со мной плохо жилось? Теперь каждый полицейский клоп хочет обидеть одинокого человека.

По пути в Управу Мрозовский зашел в кондитерскую на чашечку кофе. В той кондитерской варила кофе очаровательная дамочка. Хоть лет дамочке было и немало, но все не во

вред. Марьяна Пашкевич всегда пахла ванилью и корицей, и напоминала Мрозовскому глазированную булочку с изюмом. Пухлые губы на круглом лице всегда улыбались, у глаз собирались морщинки-лучики. Пани Марьяна, на взгляд Мрозовского, ещё вполне упругая дама, и годилась для уединений. Однажды, им удалось остаться у пани Марьяны в доме, покуда её муж, сердитый пан Пашкевич, ездил на охоту. Мысль о несвоевременном возвращении сердитого охотника возбуждала Мрозовского еще больше, чем округлые бока неверной жены. Пани Марьяна стреляла из темноты спальни карими глазами и дышала, как загнанный зверь. Уходя от страстной кондитерши, Эдвард Мрозовский ощущал себя с тяжестью добычи в руках и с не единожды стрелявшим ружьём.

Так и теперь он, не успев войти в дверь кондитерской, залоснился улыбкой и сразу стал высматривать свою козочку.

– Доброго дня, пан Эдвард, – пропела пани Марьяна из-за стойки и подарила ему одному предназначенный взгляд. – Что пан желает сегодня? Или пану, как всегда, кофе погорячее и со взбитыми сливками?

– Приветствую вас, пани Марьяна, – ответил Мрозовский, облизав губы. – Вы мой выбор знаете. К нему можно добавить штрудель яблочный, и полить сиропом.

– Прошу пана, какой сироп желаете?

– А это уже на ваш вкус.

Пани Марьяна суетилась за стойкой, насколько возможно изящно в её весе, прогибала спину, чтоб достать из шкафчика штрудель, и кокетливо заправляя за ушко прядь волос. Она улыбалась Мрозовскому, опуская ресницы как школьница. Никому из редких посетителей кондитерской не приходило в голову, что между этим пожилым господином и немолодой дамой возможна любовная связь. Когда в заведении остался занят только один столик, да и то Мрозовским, пани Марьяна вынесла маленький серебряный поднос, на котором в тонком фарфоре и под шапкой взбитых сливок дымился кофе, а рядом, политый карамелью, ароматно пах пирог с яблоками и изюмом.

– Ваш заказ, пан Эдвард, – с придыханием сказала пани Марьяна.

– Скажите мне… Дайте хотя бы надежду, что я смогу получить ещё больше, – сказал Мрозовский, поймав пани Марьяну за руку.

– Ах… – Марьяна закатила глаза, и тут же взяла себя в руки – сквозь большие окна кондитерской их могли заметить с улицы. Кондитерша поспешно отняла руку и спросила: – А вы знаете, что скоро открывается сезон охоты?

– Неужели?!

– Да, да… Мой муж, пан Пашкевич, очень любит выезжать на охоту. Если вы придёте на следующей неделе, я смогу сообщить вам точнее. Ведь пан Пашкевич наверняка откроет сезон лично.

– Вы не сомневайтесь, пани Марьяна, я обязательно зайду засвидетельствовать своё почтение на следующей неделе, – сказал Мрозовский, помешивая кофе. – Мне кажется, или вы смололи какой-то новый сорт? Необычайный вкус и аромат. С этим ароматом может сравниться разве что запах сдобы, – Мрозовский говорил со значением растягиая слова и поглядывая на кондитершу жадно блестевшими глазами.

Договорившись о свидании, Мрозовский допил кофе, рассчитался и вышел на улицу.

– Всё-таки, что бы ни говорили доктора, а кофе положительно влияет на свежесть мысли.

Холодное лето давало отдых от неожиданно знойного мая. Мрозовский не любил жару. Сейчас он спокойно мог прогуливаться в костюме, не расстёгивая пиджака, и даже вечером набросить плащ. Навстречу ему прошли монахини-доминиканки, Мрозовский снял шляпу и слегка поклонился. На что монахини ничего не ответили, только ниже склонили головы и

ускорили шаг. Эти монахини были строги и мирских радостей не одобряли, отчего Мрозовский по молодости любил пошутить над ними, но всякий раз бывал пойман и строго отчитан местным ребе. Но более доминиканок Мрозовский страшился монахов Василианского монастыря. Эти сами могли поймать и за ухо отвести не в синагогу, а к своему настоятелю. Потому маленький Эдюня всегда обходил их другой дорогой.

В пятницу, когда все мысли Эдварда Мрозовского были о предстоящей рыбалке, в Управу заявился кладбищенский сторож. Он пожимал плечами, морщил усы и всё как-то не решался отойти от входной двери. Потом внимательно осмотрелся и решительно вошёл внутрь. В кабинете он уселся на предложенный стул и, обдав Мрозовского запахом перегара, стал вертеться, то заглядывая под стул, то вытягивал шею и высматривал кого-то в окне.

– Пан Пётр, что вы не сидите спокойно? Вас ждут? – спросил Мрозовский, кивая в сторону окна.

– Сесть спокойно я успею всегда. Какие мои годы… – сторож подался вперёд и зашептал, озираясь на массивную дверь кабинета: – Никто меня не ждёт, а сегодня копальщики придут – похороны богатые на завтрашнее утро назначены.

– Кого хоронят?

– Жену известного в старом городе нотариуса. Знаете, есть такой Рафаэль Гольдман, его папаша когда-то держал мыловарню. На те мыльные деньги он выучил сыночка. Сначала хотел учить на скрипача, а потом, мадам Войцеховская, что из филармонии, открыла Гольдманам глаза, все поняли, что Рафику слон наступил на оба уха и его срочно отправили в университет. Постигать юридические науки. В общем, жена Рафика Гольдмана долго болела и отдала Богу душу. А людей признательных её мужу много, потому и венков будет много и Гольдман не поскупится на пышные похороны.

– Ещё раз напоминаю, что разговор наш конфиденциален. Помните об этом. Пан Пётр, «двуйка» вас не забудет, – сказал Мрозовский и протянул руку сторожу.

– Лучше бы она про меня забыла, – ответил сторож, отвечая на рукопожатие.

Сторож вышел за дверь, Мрозовский брезгливо поморщился, достал из стола большой белый платок, смочил в воде из графина и тщательно обтёр руку.

К ночи следующего дня, обрядившись как рыбаки, трое мужчин подходили к городскому кладбищу. Если вдуматься, то возле кладбища рыбу не поймать. Не потому, что плохо клюёт, а потому что река в Жолкеве называется Свинья. Говорили, что название к ней прилепилось с тех времён, когда почти триста лет назад, во время Северной войны, в городе находился штаб самого Петра Первого. Здесь он разрабатывал планы баталий со шведами. Вроде как, самодержец и обозвал речушку таким словом. А за рыбой можно на ставок отправиться, но к нему из города по другой дороге ехать. Там можно вполне прилично наловить: хватит и для себя, и соседей угостить. А кто порасчетливее, то и продать сможет. Какая хозяйка откажется купить рано поутру свежепойманную щучку или сома?

Но если к нашим рыбакам, идущим вдоль кладбища, присмотреться, то при них никакого рыбацкого снаряжения не увидишь. То есть они идут не с пустыми руками, но рыбу этим не поймаешь.

Мрозовский сжимал в ладони рукоять маузера. От нервного напряжения ладонь взмокла, и приходилось перекладывать маузер попеременно из руки в руку, обтирая ладони о штанины. Широкий и коренастый, вполне бандитского вида сыщик, Миша Гроссман держал за поясом наган, нервно ощупывая его всякий раз, чтобы убедиться, что не потерял. Самый юный, Виктор Мазур, шел, выставив впереди себя парабеллум и приседая на каждый шорох. Мрозовский больше всего боялся, что их заметят и поднимут на смех. А до взятия преступников и дело не дойдёт.

– Виктор, не нужно размахивать оружием, как деревянной сабелькой, – язвил Гроссман.

– Почему это деревянной? – переспросил Мазур.

Гроссман беззвучно затрясся от смеха.

– Потому что я бы не дал вам другого оружия.

– Прошу паньства, говорите потише, – сказал Мрозовский, подняв одну руку вверх.

– Что вы там увидели? – Мазур выставил парабеллум в ту сторону, куда смотрел Мрозовский.

– Пан Эдвард, на Бога! Заберите у него оружие, иначе он нас здесь похоронит! – возмущался Гроссман.

– Действительно, Виктор, уберите в карман. Оружие – это не игрушка. Вдруг вы нажмёте на курок?

– Почему я нажму на него вдруг?!

– Со страха! – Гроссман снова беззвучно затрясся.

Мазур убрал парабеллум в карман куртки, бормоча ругательства, и пошел к кустам шиповника помочиться. Он почти расстегнул ширинку, как ветки кустов раздвинулись, и прямо на него вышел кладбищенский сторож. Свет от луны ярко осветил спитое лицо сторожа и слегка выкрасил в синеватый цвет.

– Пан Мрозовский, это вы? – спросил сторож, прищурив глаза.

Мазур перекрестился и тут же смачно выругался.

– Я здесь, – сказал Мрозовский и помахал рукой.

– А это кто такие?

– Мои помощники на случай стремительного отхода бандитов.

– Ага, – кивнул сторож. – Эти помогут отойти. Стремительно. И, главное, недалеко совсем идти – вот и ямы опять наготовили, – он повозмущался для порядка, поманил всех за собой и повел по дорожке между склепов.

Чем дальше заходили в глубь кладбища, тем холоднее становилось Мрозовскому. Становилось не просто холодно, а возникало навязчивое ощущение, что он сам лежит под одной из могильных плит и влажная земля обнимает его последнее пристанище. Сырость проникает сквозь сбитые доски, подушка отсырела и пахнущая грибами влага покрыла лицо…

Окончательно испугавшись своих мыслей, Мрозовский кашлянул, потом еще раз, а затем и вовсе зашелся кашлем.

– Что-то вы, пан Мрозовский, как чахоточный, – заметил сторож. – Никак подхватили заразу.

– Ничего я не подхватил, пан Пётр! – разозлился Мрозовский. – Ваши домыслы оставьте при себе. Лучше за дорогой смотрите, пока не завели нас неизвестно куда.

– А что мне за ней смотреть. Никуда дорога не денется. Это вы смотрите со страху никуда не деньтесь, вот вас как колошматит.

– Холодно здесь.

– Ну да! – тихо засмеялся сторож. – Это на вас покойники страху нагоняют. А ночь тёплая. Завтра день хороший должен быть. Видите, какие звёзды на небе? – и, не дожидаясь ответа, махнул рукой на свежую могилу, – Стойте, пришли. Вот она – могилка Фани Гольдман. Пусть покоится она с миром. Располагайтесь, где вам удобно, а мне и издали неплохо видно.

Сторож ретировался в ближайшие кусты от греха подальше, а Мрозовский с помощниками спрятался за венками. Вовремя они успели. Ждать долго не пришлось, вскоре послышались тяжёлые шаги, и к могиле подошли двое. У одного в руках были лопата и мешок, а у второго – лопата и ведро с верёвкой. Из засады гробокопатели неплохо просматривались, только лиц при лунном свете нельзя было разобрать. Они немного потоптались, покурили

по одной, и принялись раскапывать могилу. Работали споро – видно, что делать это им приходилось не в первый раз.

Когда один из преступников залез в яму и стал на крышку гроба, Гроссман потянулся из укрытия и дёрнул второго за ногу.

– А-а-а! Спасите! Отпустите, заради всего святого! Ой, мама-а! – гробокопатель заорал, думая, что это покойник ухватил страшными пальцами, и свалился на напарника. Напарник остолбенел, застонал и потерял сознание.

Когда гробокопатели пришли в себя, на них сверху смотрело три ствола.

– Что вы там, заснули? Лезьте наверх, хватит прохлаждаться, – прикрикнул на гробокопателей Мазур. Он расстроился больше всех, так хотел проявить себя в поимке преступников. И теперь готов был сорвать злобу на неудачливых копателях. – Что ждёте, черти?

Мрозовскому же всё казалось безразличным, хотелось поскорее домой, принять ванную и забыть кладбищенское приключение, как страшный сон.

* * *

Одним их гробокопателей оказался отец девочки, которую встретила Христина у могилы своей дочери. Вторым же был Рузин жених, по совместительству квартирный вор, Вениамин Железов. Его давно мечтал поймать и сам Мрозовский, и другие сыщики. Только кроме слухов и сплетен, ничего конкретного предъявить не могли. Где проживал Железов, тоже непонятно. По делу привлекли и Рузю. Её вызвали в Управу, а она по неопытности подумала, что в качестве свидетельницы.

– Доброго вам дня, пан Мрозовский, – сказала Рузя, когда её привели в кабинет.

– Приветствую, пани. День сегодня точно добрый, – сказал Эдвард Мрозовский и заглянул в записную книжку. – Ефрозыния Ковальчук.

Рузя изобразила смущенную невинность: сложила руки на коленях, опустила ресницы и вообще походила на гимназистку, сбежавшую с урока и пойманную за поеданием тортов в учебное время. Стул, на котором она сидела, стоял посреди кабинета, как раз напротив окна. Образования Рузе не хватало, а вот врожденного кокетства и женского обаяния наблюдалось в достатке. Солнечный зайчик играл на гладкой щеке, путаясь в завитках волос возле маленького ушка. Рузя знала, что очень хороша собой и привыкла бессовестно пользоваться прелестями, данными Богом. Она наклоняла хорошенькую головку так, чтобы лучик солнца проходил сквозь ресницы, делал выражение её хитрющих глаз добродетельным и в то же время вызывал желание защитить.

Мрозовский писал отчет и посматривал на Рузю. Не было никакой возможности удержаться, чтобы не смотреть на саму панянку и на её грудь под шелковым платочком, что скрывал глубокий вырез на платье. Грудь то и дело вздымалась от глубокого дыхания, к пухлой губке прилипла прядка волос и трепетала на каждом вздохе. От этой картины пану Эдварду стало не по себе: и дыхание сбилось, и пульс участился, и невероятно сильно захотелось сейчас задрать девице юбки, закинуть её ноги себе на плечи и дышать, дышать… Сморгнув видение, пан Эдвард облизал пересохшие губы и сосредоточился на отчете.

Рузя заметила томный взгляд и улыбнулась маленькой победе.

– Ах, пан Мрозовский, подайте воды, прошу вас! Слабость такая, что сил нет. Сейчас сознание потеряю.

Пан Эдвард спешно подскочил, налил в стакан воды из графина и поднёс Рузе. Хотя на самом деле он совсем не был против, чтобы Рузя сейчас и в его кабинете потеряла сознание.

Рузя приняла стакан, и, покуда Мрозовский стоял рядом, сорвала с шеи платочек, открыв все прелести для ближайшего осмотра. Выпив воду, она вернула стакан и подняла на престарелого сыщика похотливые глаза. Пана Эдварда дважды просить не требовалось.

Он понял всё с полуслова. Быстро подошел к двери, повернул ключ в замке и вернулся к даме. Рузя, решив, что кроме неё самой помочь никто не сможет, бросилась во все тяжкие – она поднялась со стула, подошла к окну и, упершись в подоконник, прогнула спину, как голодная кошка.

Пан Эдвард подошел сзади и обхватил упругое Рузино тело, а потом ловко забросил ей на спину верхние и нижние юбки и стащил вниз панталончики с кружевной оборкой. Стаскивал так, что кружево жалобно крякнуло и осталось в руке.

– Что ж вы так неаккуратно? Это ж дорогое бельё, с ним нужно ласково и нежно, – промурлыкала Рузя из-под юбок. – Это ж мне придётся новое покупать.

– Я тебе всё куплю, Рузя, – пыхтел Мрозовский. – Что пожелаешь, то и куплю.

– Уж лучше вы меня от дела этого отстраните. Я же знаю, что вы можете устроить так, что дело будет люкс. Ведь можете?

Пан Эдвардч пыхтел, со всем соглашался и мял пышные бока пани Рузи. Дверную ручку один раз дёрнули и ещё пару раз постучали, от чего пан Эдвард задвигался еще резвее, а Рузя по новой взяла обещание, чтоб наверняка.

Пан Эдвард торопливо надел брюки, носовым платком вытер пот со лба и затылка, сел за стол. Через мгновенье Рузя поправила юбки и уселась на стул посреди комнаты. Она, как ни в чём не бывало, крутила на пальчик прядь волос, шелковым платочком прикрыв грудь, и только игривый блеск глаз мог выдать недавнее возбуждение.

Закончив писать, пан Эдвард объявил Рузе:

– Пани Ковальчук, вы сейчас свободны. Но прошу вас явиться на суд в качестве свидетельницы по делу.

– Конечно, пан Мрозовский. Как можно не явиться! Я ж обязательно, я ж для правосудия и со всей душою…

Рузя тарахтела бы ещё и ещё, но пан Эдвард мягко выставил её за дверь.

– Какова панянка! Эх, жаль, что юбки снять не удалось, – мечтательно глядя в окно на удалявшуюся Рузю, сказал пан Эдвард. – Юная пани, а так созрела… Надо будет после суда помочь ей устроиться…

Рузя торопилась уйти подальше от «двуйки». Ночь, проведённая в подвале, нагнала страху и тоски, побольше, чем известие, что её засудят. Она радовалась, что так повезло с паном Мрозовским. «Хорошо как, что пан холост и игрив не по годам. Где бы я теперь была, если бы не его похотливые ручки. А панталончики то кружевные хлипкие оказались. Обманула Зелюнця, зараза! Французский батист! Ага, французский… Жмеринский лежалый сатин», – думала она.

Шла быстрым шагом в свою лавку, чтоб достать из тайника драгоценности, предусмотрительно припрятанные самой Рузей втайне от жениха. Вспомнив о женихе, она чертыхнулась. Теперь придётся идти к Веньке на свидание, чтоб его дружки не наведались среди ночи. Что ему сказать она знала, но как пристроиться, и поскорее, возле надёжного человека, казалось сложной задачей. На примете у Рузи никого не было, а Мрозовский на должность любовника не подходил: во-первых, сыщик, а значит, все поймут, где собака зарыта, во-вторых, небогат, а это уже посерьёзнее причина.

На следующий день Рузя за маленькое золотое колечко договорилась с охранником из Управы о свидании с Веней.

– Ты ж пойми, Веня. Я молодая совсем. Вот к тебе мамаша твоя приезжать станет. А ко мне кто? Зеля? Эта такая гордячка, она после суда и лицо моё забудет, чтоб клиентов не распугивать своими знакомствами. Лавку закрыть придётся. Кто в ней торговать станет? А главное, чем? И не то главное. Кто туда покупать придёт? Все теперь знают, с кого костюмы

снимали. В общем, уезжать мне нужно. Уезжать и по новой жизнь налаживать. Ты уж прости, но после суда мы больше не увидимся.

Веня, похожий на крепкого бычка парнишка, всё это время елозил по Рузе жилистым телом и тяжело дышал. Рузя терпела солому из матраса, что кололась в спину и терпела немытого потного Веню, пахнущего намного хуже старого Мрозовского. Рузя обещала себе, лежа под теперь уже бывшим женихом, что никогда не позволит себе так по-глупому вляпаться. А если и решит держать лавку, то торговать станет исключительно дамским бельём или шляпками.

Тина спешила. С востока небо затягивали черные тучи, холодный ветер гнул ветки на деревьях, которые норовили дотянуться до лица и дать пощечину. Вчера, в костёле Святого Лаврентия, Тина плакала перед иконами и ругала себя:

– Прости меня, Матерь Долороза! Осиротила девочку, без кормильца оставила! Нужна мне была та кукла!

Тина усердно молилась, плакала до икоты, прикрыв лицо вуалем, и даже опалила горячим свечным воском пальцы. Больше всего она боялась, что Настусю, чьего отца теперь буду судить за гробокопательство, заберут цыгане. Тина была уверена, что сломала девочке судьбу и не будет ей прощения, если не заберёт сиротку на воспитание. О проблемах, связанных с усыновлением, она не думала, как не думала и о том, захочет ли Настуся с нею жить.

* * *

До хутора Заглина оставалось совсем немного. В воздухе остро пахло дождём. Тина уже прошла исток реки Маруси, а значит и сам хутор недалеко. Из-за деревьев виднелись деревянные крыши домов и маленькая церквушечка. Ноги пекли огнём от пыли, забившейся в туфли, и усталости. Тине казалось, что она чувствует под ногами каждый камушек на дороге. Хотелось разуться, опустить босые ноги в прохладную воду и подержать так хоть пять минут. Но она спешила, заходила гроза, а молнию Тина боялась больше, чем цыган.

Как и всякую не очень образованную женщину, Тину пугало всё неизвестное и необъяснимое. В гимназии святой Анны Тина училась недолго, потому как после пятого класса её отдали в обучение портнихе.

– И накормлена, и научена, – говорил отец. – Всё же лучше, чем нам тянуться и за учебу приплачивать.

Мать с ним никогда не спорила, она была женщиной тихой и незаметной. До того незаметной, что когда она умерла никто не знает. Просто к обеду не вышла, а потом вспомнили, что за завтраком бледная сидела. Нашли её в кладовке, на полу, свернувшуюся калачиком. Уже и остывать стала, хорошо, что смогли ровно положить. Но где там смогли! Из гроба её рука выглядывала, помахивая всю дорогу до кладбища. Тина тогда подумала, что мама так прощается. Рукой всем машет. Отец без матери прожил два года, а потом спился и зимой замёрз насмерть. А хоть бы и была Тина семнадцати лет, когда отца похоронила, но всё равно сиротство прочувствовала остро. Когда не к кому голову приклонить, и не от кого услышать доброе слово. Разве что на исповеди святой отец напутствие скажет.

У первого от дороги дома сидел старик. Он положил обе руки на палку, которую держал, уперев перед собой. Нельзя было понять, спит он или просто сидит, потому что шапку натянул чуть не до носа. Христина подошла, пытаясь рассмотреть старика, заглянула под шапку. Как вдруг старик ухватил её за руку.

– Шапку украсть хотела?! Признавайся, заблуда!

Голос у старичка оказался писклявый и премерзкий. А холодная сухая ладонь обхватила Христинино левое запястье мёртвой хваткой.

– Ничего я не крала! Это вы, дядечка, ошиблись, – оправдывалась Христина, пытаясь вытянуть руку. – Мне спросить нужно насчет девочки одной. А тут смотрю – вы сидите. Только непонятно, спите или нет.

– Непонятно, значит? А шапку зачем взяла?!

– Не брала я шапку!

Христина чуть не заплакала, когда старичок грозно хмыкнув, ткнул пальцем в собственную шапку в Христиной правой руке.

– Значит, просто подержать взяла? Вот сейчас спущу на тебя собаку, чтоб знала.

– Ой, смилуйтесь, дядечка! – запричитала Христина. – Я девочку ищу, Настусю. Чернявая такая, лет пяти. Отец её ямы на кладбище копает.

– Угу. Накопал уже, – скривился старик и отпустил Христину. – Это ты Пасичника дочку ищешь? Настуську?

– Я фамилию её не знаю.

– Зато я знаю. У нас других таких на хуторе нету. Одна девка, а то всё хлопцы, – сказал старичок. – Стучи в следующие ворота. А можешь и так зайти. У них никогда не заперто и собаки во дворе нету.

– Спасибо вам большое, – сказала Христина, кланяясь чуть не в пояс.

Христина положила ладонь на влажное холодное дерево и толкнула. Низкие деревянные ворота потемнели от времени, а на ощупь залоснились под множеством ладоней, но тепла их в себе не сохранили. Одна створка ворот с тихим скрипом отворилась, показывая заросший травою двор и кривое крылечко дома.

– Настуся! – позвала Христина. – Настуся, ты дома? Выйди, мне с тобой поговорить нужно.

В окне мелькнула тень, Христина напряженно ловила каждое движение в доме. Прислушивалась к шорохам, пытаясь понять, откуда идёт звук.

– Настуся!

Дверь открылась, на крыльцо вышла девочка. Она прижимала к себе ту самую куклу и недоверчиво пялилась на гостью.

– Тётенька, а вы кушать дадите? Если вы за вещами, то уже нету ничего. Забрали всё.

Христина быстро поднялась на крыльцо, вошла в дом и обомлела. В доме было пусто. В единственной комнате кроме прохудившегося ведра на полу, стоял продавленный стул и на подоконнике в горшке пожелтевшая герань. Пыль сбилась по углам рваными лохмотьями, кроме пыли, на полу валялись матрас и одеяло. Матрас этот не представлял никакой ценности, даже вместе с одеялом. Придя в себя, Христина открыла редикюль, где лежал петушок на палочке на могилку к Линусе.

– Вот, возьми. Больше ничего нет, – сказала Христина. – Собирайся, поедем ко мне. Дома борщок ждёт, и пампушечки. Собирайся, детка.

Настуся подошла к входной двери и остановилась. Она держала куклу за руку, словно та могла пойти рядом, и смотрела Христине в глаза. От этого взгляда Христина поёжилась. «Папашку её четыре дня как арестовали, а люди такие добрые, что всё вынесли и поесть не дали. Собаку свою больше пожалеют», – думала Христина, стараясь не разреветься от жалости к Настусе.

– У тебя кроме куклы вещи есть? Одежда есть?

Настуся отрицательно помотала головой и крепче вцепилась в куклу.

– Ничего. Всё будет. Наживем ещё.

Христина взяла девочку за руку и повела в город.

* * *

Рузя стояла за колоннами. Она плевала семечки и пряталась…

С утра в её лавку приходил пан Мрозовский, чем очень испугал Рузю. Она как увидела в дверях Эдварда Мрозовского, так и села мимо кресла.

– Доброго дня, пани Ковальчук! – поприветствовал Мрозовский.

– Доброго, раз вы говорите, – ответила Рузя, с недоверием присматриваясь к гостю.

– Чего же вы так испугались? Хотите сказать, что я не вовремя с визитом?

– Что вы! Что вы, пан Мрозовский, – замахала руками Рузя. – Как можно, чтобы вы и не вовремя.

Мрозовский оглянулся – в лавке на продажу не было буквально ничего. Пустые полки и вешалки смотрели со всех сторон. Только огромный фикус в углу напоминал, что помещение вполне жилое.

– А раньше этот фикус незаметно в углу стоял, – заметил Мрозовский. – За товаром не видно было.

– Да, – вздохнула Рузя. – Не видно.

– А что же сейчас? Распродались? Поздравляю, что так скоро.

– Ой, ну что вы! – Рузя сделала вид, что смущена и уставилась на пол. – Одним днём всё ушло. Оптом забрали. Не за дорого, но я и не жалею. Как говорится, с глаз долой…

– Как планируете устроиться? – Мрозовский задал самый главный вопрос, ради которого он и пришёл в лавку.

– Хотела шляпками торговать, дамским бельём и чулками. Прошу пана, а с чего у вас такой интерес к бедной женщине? – заинтересовалась Рузя.

– А с того, что друг у меня есть. Он доктор. И ему нужен кто-то, чтобы сопровождать…

– Ой, нет! Я и крови боюсь! – воскликнула Рузя.

– Вы дослушайте сперва. Ему не медсестра нужна. Он мужчина одинокий. Одинокий душою, ибо супруга у него имеется. Но одинокая его душа довольно щедрая к тем, кто готов разделить с нею одиночество, – Мрозовский слегка замялся и переспросил: – Понятно ли я говорю?

– Вполне понятно, – кивнула Рузя.

– С вашего позволения, пани Ковальчук, я продолжу. С целью поддержать вас в вашем одиночестве и помочь другу, я хотел бы познакомить вас. Надеюсь, что это знакомство окажется приятным для всех, – закончив говорить, Мрозовский выдохнул.

Вчера он имел неосторожность за партией в покер рассказать Виктору Зеленскому, известному в городе доктору и своему другу, историю очаровательной Рузи и всё, что произошло в кабинете. Поскольку доктор отличался любопытством, то напросился на знакомство.

– Эдвард, ну что вам стоит свести меня с этой панянкой? – канючил доктор. – Разве мало их у вас? А я так невезуч в делах сердечных.

– Виктор, вы же не станете отдавать ей своё сердце?

– Отдам, но не сердце. И на время, – подмигнул доктор и рассмеялся. – Если вы сказали, что она чертовски мила, то я вам верю.

Если бы пану доктору тогда сказали, что для милой Рузи он будет готов отдать много больше, рассмеялся бы в лицо. Воспринял бы, как шутку не очень хорошего содержания и даже обиделся.

…Теперь Рузя ждала пана Зеленского для свидания, но поскольку пришла она раньше оговорённого времени, то пряталась теперь за углом здания. Часы на башне показывали пять

минут восьмого, а это означало, что пан доктор опаздывал на пять минут. Рузя уже собралась уходить и слать проклятия в адрес Мрозовского за это сватовство, когда на ступеньках заметила красивого мужчину и с букетом белых гвоздик.

Мужчина посматривал на часы, нервничал и часто поправлял шикарную шевелюру с лёгкой проседью. Рузя, оценила качественный костюм, после вспомнила, что доктор должен был появиться в семь с букетом белых гвоздик, выждала еще пять минут и направилась к нему, горделиво задрав подбородок и выпятив грудь.

Доктор не ожидал, что Рузя спустится сверху по ступенькам. Ему и в голову не приходило, что она пришла раньше и видела его, одиноко стоящего у входа в кинотеатр.

– Доброго дня, пан доктор. Вы же пан Зеленский, верно?

– Совершенно верно, пани, – ответил доктор, всё еще не понимая, откуда Рузя взялась, и почему он не заметил её заранее.

– Меня зовут Рузя Ковальчук, – сказала Рузя, решительно протянув доктору руку.

Пан Зеленский быстро чмокнул протянутую руку и понял, что не знает, как вести себя с этой пани.

– Виктор Зеленский, доктор медицины.

Рузя, оценила упадок духа новоиспеченного кавалера и поняла, что из доктора можно хоть верёвки вить. Главное, чтобы пан доктор хорошо зарабатывал.

– Пойдёмте, пан доктор, в сквере погуляем, воздухом подышим, – лениво предложила она.

– Конечно, пойдёмте. А дальше, что станем делать?

– Видно будет, пан доктор.

Прогулка оказалась недолгой. Рузя решила, что не стоит баловать кавалера, и если сам на свидание напросился, то можно его и промариновать подольше, чтобы не счёл Рузю доступной женщиной. То, откуда он вообще о ней узнал, и что пан Мрозовский изволил рассказать, заботило Рузю меньше всего. В монашки она записываться не собиралась. Считала, что всё, происшедшее с нею до их знакомства кавалера волновать не должно. А вот какое содержание готов дать пан доктор, интересовало очень. Рузя была практичной и расчетливой.

После чашечки кофе Рузя захотела домой, и пан Зеленский заволновался.

– А что вы делаете завтра? Может быть, сходим в кино или поедем за город подышать?

– Если спектакль дают интересный, комедию или про любовь, то пойдём, а если плакать надо, то лучше отправиться подышать воздухом, – сказала Рузя. – Здесь же в половине шестого и встретимся. Только не опаздывайте.

Такой репликой Рузи закончилось их первое с Зеленским свидание. Пан доктор спорить не стал, облобызал ручку и дождался, пока милое создание скроется за углом. Теперь он мог дать волю нервам и стал покусывать себя за ус. Надвинув шляпу чуть не на глаза, чтобы не быть узнанным, пан доктор отправился к автомобилю, ехать домой.

– Дядька, дядька! – орали хлопчики сдвинув на затылок кепки. – Покатай на «Лягушёнке» до площади. Мы тебе потом колеса почистим!

Они кружились вокруг «Opel», облипали его как саранча и тянулись грязными пальцами к никелированным, сверкающим под красным вечерним солнцем, деталям.

– Отойдите! – махал руками Зеленский, возмущаясь голосом тихим, но вполне сердитым. – Прочь! Кому говорят? Какая площадь?! Идите домой, и пусть ваши матери дадут вам еды.

Зеленский достал из кармана монеты и бросил в сторону от дороги. Покуда хлопчики собирали деньги, он сел в машину и был таков.

– Зелюнця, ты дома?! – орала Рузя под окнами старинного дома. Время было позднее, но в одном окне еще горел свет.

– Зачем так орать на целую улицу?! Тебе обязательно нужно, чтобы весь квартал знал, что к Зельде пришли гости? А так, чтоб меня завтра не спрашивали соседки, во сколько они ушли, ты не можешь?

– Открывай уже, что в окне стоять, – сказала Рузя и поёжилась от холода. Тонкое крепдешиновое платье хорошо сидело на фигуре, выделяя всё, что нужно, но совсем не грело.

Зельда была занята – она заканчивала срочный заказ. Шикарное свадебное платье занимало всю огромную Зельдину кровать, а шлейф от него лежал у Зели на коленях. Она пришивала к нему кружево, тонкие булавки, натыканные по краю, тускло поблёскивали, от чего платье казалось особенно торжественным. Зельдины чёрные кудри путались с кружевом, образуя загадочный узор, и Рузя ненароком залюбовалась, сдерживая в себе желание прикоснуться к кудрям и булавкам.

– Красивое какое, – сказала Рузя. – Это кто у нас замуж собрался?

– Дочка одного доктора. Да ты не знаешь его. Он богатенький.

– Вижу по платью, что не бедненький, – засмеялась Рузя, потом вдруг повернулась к Зельде и спросила: – А что фамилия этого доктора, не Зеленский случайно?

– Ну, Зеленский, – ответила Зельда и нахмурилась на Рузю. – Это кто тебе уже доложил?

Зельдины тёмные глаза имели удивительное свойство смотреть как будто насквозь и от того Рузе всегда делалось немного не по себе.

– Никто. Я сама догадалась.

– А откуда ты про Зеленского знаешь?

– Знакома.

– Врёшь.

– Не вру. Я на свидание с ним сегодня ходила. А завтра опять пойду!

После этих слов Рузя так пренебрежительно посмотрела на Зельду, не иначе та проигралась на скачках и теперь просила у Рузи на тарелку супа. Но Зельда задала Рузе один вопрос и сбила весь гонор.

– Прости, подружка, я спросить тебя забыла! Так ты в тюрьме сидеть не будешь?

– Нет, не буду, – сказала Рузя сквозь зубы.

– А что так? Не берут? – Зельда хохотала, запрокинув голову. – Нашу Рузю ни в тюрьму, ни замуж не берут!

– А может мне и не надо замуж?

– Гляди! Не предлагали – вот и не надо.

– Можно подумать тебе предлагали? – обиделась Рузя.

– Портвейн будешь? – Зельда отложила шитьё и пошла к буфету. – У меня здесь осталось полбутылки.

– Буду.

До полночи они цедили портвейн, Зельда слушала, как Рузя умудрилась избежать тюрьмы и как удачно повернулась к ней судьба. Поворот казался неожиданным.

– Этот твой Мрозовский – опасный человек, – сказала Зельда задумчиво.

– Почему?!

– Жизнь покажет, – ответила Зельда. В её черных глазах отражалась море вселенской печали. Для клиентов Зельда была приветлива и мила, даже иногда говорила что-нибудь на французском, чтобы утвердиться во французском происхождении, но перед Рузей не притворялась и хандрила не по годам. – Для него люди – мусор. А такие, как мы с тобой, вообще бирюльки, как карты в колоде. Хочешь – тасуй, хочешь – пасьянсом разложи.

– Может, бросишь мне на картах? – попросила Рузя, не особо надеясь на согласие.

Вечер, на удивление, был удачлив для Рузи. Зельда лениво потянулась, встала из-за стола и подошла к буфету. Где-то в верхнем ящичке она хранила карты. Старая засаленная колода вызывала у Рузи брезгливость. Однажды она даже купила новую колоду и принесла подружке.

– На, возьми. Будешь теперь на новых гадать. Хватит уже мусолить эту помойку.

Рузя потянулась к старым картам, лежавшим на столе, и Зельда моментально врезала ей по руке.

– Не тронь. А эти новые можно оставить – в дурачка резаться.

Вот и сейчас Зельда мусолила старую колоду, которая даже на вид казалась тяжёлой. Каждая карта лоснилась затёртыми картинками.

– Скажи мне, почему нельзя сменить колоду? Эти скоро сами развалятся.

– Почему нельзя? Можно. Но кто на них сидеть будет? Нужна девушка не целованная. Ты что ли у нас девушка? – спросила Зельда и захохотала в голос. – Может, ещё и не целованная? Куда тебя ещё не целовали?

Зельда хохотала, прикрыв рот ладонью.

– Цыц ты, шлёндра! Ночь давно! – обиделась Рузя.

Дальше она молча смотрела на то, как Зельда раскладывает карты и слушала гадание. Сколько раз видела, как гадает Зельда, но никогда не могла повторить. Не видела Рузя в картах ничего, кроме самих карт. Зельда рассказала, что гадать её старая цыганка научила, это уже после смерти родителей случилось.

– Под сердцем у тебя обида. На всех обида. Но тебе того не нужно, иначе желчью изойдешь и хуже будет. Вот у тебя казенный король. Над тобой он, а ты под ним. Вот как скажет, так и сделаешь. Но ты ему сейчас не нужна, потому от него нету к тебе интереса. А вот еще один королик, трефовый, тоже из дома казённого. Любовь у него к тебе. Страсть.

– Этот молодой? – спросила Рузя, тыча пальцем в карту. – Ну, второй который, трефовый. Венечка тоже в казённом доме теперь.

Зельда не сильно ударила её по руке, и Рузя захихикала.

– Не молодой. Старше тебя намного. Пан Зеленский, наверное. Только ты с ним не будешь долго любовь крутить. Сразу после большого застолья расстанетесь.

– Что за застолье?

– Свадьба. Не его, не твоя.

– Ты же сказала, что дочке его платье шьёшь. На свадьбу.

– Не перебивай. После него у тебя скоро новый роман случится. Только он тебе не нужен. Так просто – пить, гулять.

– А любовь где? Что-то ты мне о любви ничего не говоришь. И деньги где? Ни любви, ни денег? – Рузя нахмурилась и допила свой стакан портвейна. – Больше нету?

– Нету. Любовь? Любовь у тебя нескоро случится. А деньги, Рузюнця, с тобой и не расстаются. Ты, главное, в дела подозрительные не лезь. Поняла?

– Поняла. Я у тебя спать останусь, – сказала Рузя, зевая.

– Оставайся. Завтра с утра, отнесёшь Тине немного работы. Мне тут бросили мелочёвку, самой некогда заниматься, да и клиенты неважные. Так перебьются, на Христиных иголках.

Рузя укладывалась спать на Зельдиной кровати. С того краю, что у окна. Через щель между занавесок на лицо падал холодный лунный свет, Зельда надевала ночную рубашку и что-то тихо пела на иврите. Рузе виделось в этом что-то загадочное, по-детски волшебное. Она скоро уснула, чтобы увидеть во сне прекрасного кавалера без лица и голубя в клетке. Голубь бился о решетку так, что перья летели во все стороны, и постепенно белая грудка потемнела от крови. Так бы и бился этот голубь, но наступило утро, и Рузя открыла глаза.

Утро наступило до того неожиданно, что Рузя мгновенно проснулась. На небе ни облачка и солнце било по стёклам, расцвечивая каждую мелочь в спальне Зельды. Больше всего была заметна пыль.

Однажды, Рузя посоветовала Зельде не открывать занавесок по утрам.

– Занавески у тебя светлые очень. Надо бы потемнее, из плотной материи, чтоб пыль не росла.

– Чтоб что не росло?! – переспросила Зельда.

– Пыль, – сказала Рузя с умным видом. – Когда в комнате много солнечного света, пыль растёт.

– Рузянця, ты этого больше никому не говори, – смеялась Зельда. – Много пыли там, где не убирают, а не там, где солнце светит.

– Выходит, что ты не убираешь.

– Выходит, что я много работаю. Отсюда и пыли много. Шью разное, ткань режу, вот и пылится всё.

Рузя села на кровати, свесив ноги, и касалась пальцами прохладного пола. Солнечный луч стелился от окна до стены, пересекая Рузины ноги. Рузя рассматривала волоски на ногах с любопытством прозектора в мертвецкой, глядящего с удивлением на живого человека.

– Рузя! – Зельда появилась в дверях одетая и причесанная. В руках она держала торбу внушительных размеров. – Ты уже проснулась? Очень хорошо. Мне некогда, потому собирайся и иди к Тине. Возьмешь эту торбу и отдашь ей в работу.

Зельда бросила торбу на пол и вышла.

– Доброе утро, подружка. Что мы сегодня едим на завтрак? Может, ты кофе сварила, пока я спала. Спасибо тебе! – сказала Рузя, копируя Зельдин голос. – Спасибо тебе, что вчера, на ночь глядя, не выгнала.

Рузю много раз просить не приходилось. Быстро приведя себя в порядок, она подхватила заказы для Тины и вышла из квартиры Зельды.

Солнечное утро обхватило Рузю влажными прохладными ладонями, заставив вздрогнуть, сжаться и прибавить шагу, звонко отстукивая новенькими набойками по брусчатке.

* * *

Тина подшивала подол Настусиного платья. Тёмно-красный лён богато отливал на складках, проваливаясь тёмными бликами. Настуся стояла на стульчике, боясь пошевелиться. Маленькие ручки неподвижно смотрели в разные стороны.

– Сейчас, сейчас… Потерпи, Настуся. Сейчас я булавки вытащу и сниму с тебя платье.

Снимать платье Настуся не хотела, уж очень красивое получалось, но булавки кололись. Особенно сильно одна впивалась в бок, Настуся даже дышать перестала. Христина оставила обмылком на подоле светлую полоску.

– Здесь подошью. Хорошая длина получится, чтоб до осени хватило. А осенью новое справим. Из этого ты же вырастешь, да? – Тина улыбалась, потихоньку вынимая булавки. Наконец она дошла до той, что колола Настусе в бок и девочка вздохнула. – Уколола? Ты не молчи, если кольнула. Я же не знаю, как оно тебе с булавками.

Настуся улыбнулась и сказала:

– Я потерплю. Я же не маленькая.

– Это точно, что немаленькая, – рассмеялась Тина. – Скоро к первому причастию пойдем, так я тебе платье приготовлю и веночек из цветов. Будешь как Христова невеста – красавица!

– А когда будет первое причастие?

– Пятнадцатого августа. В праздник Взятия Пресвятой Девы Марии в небесную славу. Каждый год в этот день торжественное богослужение и церковная процессия, – ответила Тина и поправила Настусе косички. – Волнуешься? Ты не одна к причастию пойдёшь. Ещё будут мальчики и девочки. Все красивые, как ангелочки, в нарядных платьях и костюмах.

Тина надела на Настусю сарафан и помогла слезть со стульчика.

В дверях звякнул колокольчик, и Христина поспешила встречать гостей.

– Что-то ты, Тина, не рада мне? – спросила Рузя и бросила в угол торбу. – Это тебе привет от Зельды. Слава Исусу Христу!

– Навеки слава! – ответила Тина. – Спасибо, зайду к ней после. А чего радоваться?

– Новому дню радоваться, – сказала Рузя и рассмеялась.

– Ну, так я в «двуйке» в подвалах не сидела. Чего мне, – ответила Христина, пожав плечами.

– Вот вам всем не успокоиться никак! Нету меня в подвалах, и не будет больше. Всё! Господа из «двуйки» выяснили, что я обманутая женщина. Свидетель я по делу. Поняла?!

– Фрайда реальна! – улыбнулась Христина. – Но ты не кричи, я не глухая. Только спросить хотела. Правда ли, что в подвале у них духи по ночам воют?

– Правда. Воют и за ноги хватают! – Рузя хлопнула её по бедру и захохотала. – Сама узнаешь, когда там переночуешь.

– Езус Мария! Меня-то за что? Иди уже, Рузюнця.

Рузя открыла дверь и Христина успела обрадоваться, что та уходит, когда в салон вышла Настуся.

– Тина, можно мне с тобою посидеть?

Христина испуганно глянула на Рузю, потом снова на Настусю.

– Конечно, моя хорошая, можно. Вот только пани провожу.

– А что за девочка у тебя? – Рузя стала в дверях как упёртая кобылка. – Откуда счастье привалило?

– Иди, Рузя. Ранковый променад не ждёт. Так и солнце сядет, – Христина потемнела лицом и готова была стать стеною между Рузей и девочкой.

– Не сядет солнце. Откуда тебе знать, что мой променад не вечерний? Тебя как звать, девочка?

– Настуся.

Настуся недоумённо смотрела то на Христину, то на неизвестную гостью. Потом вдруг поняв, что гостье здесь не очень рады Настуся сообразила спрятаться в каморке.

– Тина, я потом выйду.

Хлопнула дверь каморки. Настуся затихла там, закрыла лицо руками, чтобы и дыхания её в салоне не слышали. Эта красивая пани, что пришла в салон, вызывала у Настуси необъяснимый страх. Было нечто в неспокойное в глазах пани, нечто напоминающее ту ведьму из сна, которая снилась в прошлом месяце и украла во сне солнце. Стул, на котором сидела Настуся, был старым и скрипучим, от того приходилось не двигаться совершенно. Настуся обхватила руками коленки и закрыла глаза. Когда Христина вошла в каморку, рассмеялась:

– Можно открывать глаза и вставать, наша гостья уже ушла.

– Тина, эта пани злая. Не пускай её больше.

– Как же я её не впущу? Она мне работу приносит, – сказала Христина и погладила Настусю по волосам. – Почему ты говоришь, что она злая?

– Не знаю. Глаза у неё странные.

– Что есть, то есть! Рузиным глазам чертей не занимать! – Христина рассмеялась и обняла Настусю за плечи. – Пойдём, пора перекусить.

* * *

Пан Эдвард вертелся перед большим зеркалом, как престарелая варшавская кокетка. Любуясь, он думал, что неплохо было бы стереть с зеркала пыль, а еще лучше вымыть с мылом, потому что разглядеть себя казалось трудновыполнимо, а новый сюртук еще труднее.

– Пан Мрозовский, я вам точно говорю, что в этом костюме вы то, что надо! – раздался за спиной скрипучий голос портного.

– А я не слишком крупным кажусь?

– Ну, что вы! В вашем возрасте иметь такую фигуру самый цимус! Нет-нет! Я вас не уговариваю, но вы таки поверьте, что это правда!

Гриша Бердник тарахтел без умолку. Мрозовский морщился от этого тарахтения, но терпел, потому что лучше Гриши никто не мог сшить костюм. Гриша шил костюмы еще отцу Мрозовского – Льву Мрозовскому – и перешёл по наследству. Если бы у пана Эдварда был сын, его точно назвали бы Лёвой и обязательно привели к Грише, сшить первый в жизни костюм на Пейсах или Пурим. Кроме всего прочего Гриша радовал Мрозовского подробными отчетами. Гриша стучал Мрозовскому не за деньги и не за другой интерес, просто Гриша знал достаточно много пикантных подробностей обо всех, с кем бывал знаком, а удержать всё в себе не имел внутренних сил. В общем, им обоим было удобно: Гриша изливал душу одному единственному Мрозовскому, чтобы не прослыть сплетником и не потерять клиентуру, а Мрозовский всегда знал последние новости о клиентах пана Бердника.

– Что ты всё обо мне, да обо мне? Гриша, новостей, что ли, нет?

– Как же нет? Просто не уверен, что вам будут интересны такие глупости, – ответил Гриша, округлив глаза и вздёрнув брови.

Он как обычно манерничал, закручивал пружину, чтобы потом она со свистом пронеслась над головами всех, кто приходил в ателье за последнюю неделю.

– Мне, Гриша, и не такие глупости рассказывают, но уже в другом месте, – показательно вздохнул Мрозовский.

Гриша нервно дёрнул головой и замер. Когда он нервничал, он всегда дёргал головой, а в особо волнительные моменты мелко тряс ею, как баран на бойне. Сейчас Гриша представил знаменитый подвал «двуйки» и себя в роли орущего привидения.

– Вы, пан Мрозовский, зря вот так, – часто кивал головой Гриша. – Я, пан Мрозовский, к вам всегда с хорошим отношением и к отцу вашему, да утешит вас Всевышний вместе с другими скорбящими. Я маленький человек, но понимаю значимость вашей профессии и, смею сказать, государственной важности. – Гриша тряс указательным пальцем, подняв руку выше головы, притом, что сама голова тряслась не в такт с пальцем. Мрозовскому смертельно захотелось остановить это тряску, или хотя бы заставить трястись в унисон. – Я, пан Мрозовский, всё хорошо понимаю. Ведь весь город судачит об этом деле. А дело-то в действительности плёвое! На нём и не заработаешь ни уважения особого, ни признания начальства, а о гешефте я вообще молчу! Хотя есть такие, что на чужой беде умеют заработать и имя, и доход… Вот господин Зеленский, какой приличный с виду господин, а без того, что у кого-то со здоровьем беда и на новый галстук не заработал бы. Жизнь так устроена, пан Мрозовский, когда у одних прибавляется, то у других убывает. А вернее всего зарабатывать на больных и покойниках. Это, можно сказать, и дети знают. А вы знаете, какие сейчас пошли дети?

Портной продолжал рассуждения, потерявшись в дебрях извечной проблемы отцов и детей. Мрозовский задумался и перестал слушать. «Гриша что-то хотел сказать, но или сам

не знал, или очень боялся. Если уж Гриша боится рассказать, значит, дело – табак». Портной продолжал изливать душу и перешёл на шёпот:

– Вот хоть бы взять дочку пана Зеленского. Чем не пример непокорного дитя? Ей же только шестнадцать лет! А я вам скажу по секрету, что она не так, чтобы просто замуж идёт. Вынужденная, так сказать, ситуация у панянки. Милое дитя, радость родителей, гордость школы, и что вы себе думаете? – Гриша заговорил ещё тише: – Она в положении! Да-да! В том самом интересном положении, когда папа и мама становятся дедушкой и бабушкой. Потому пан Зеленский и не делает пышной свадьбы, да и платье невесте шьют широкое. Но скажите мне, зачем переводить столько материи? Я лично заказал для них атлас и кружево. При фигуре невесты идеально подойдут жоржет и органза! Да побольше! Ой, ну что я говорю! Откуда там фигура! Она до свадьбы ещё разойдётся и сидеть в платье не сможет.

Гриша продолжал изливаться, он всё никак не мог пережить свадьбу дочери Зеленского.

Мрозовский подумал, что где-то в словах Гриши чувствуется подвох, или намёк на то главное, чего никак не возможно уразуметь. А сам рассказчик явно не решался договорить. Прозрачные намёки Гриши Бердника достигли цели. При всей своей болтливости он не говорил ничего конкретного, но связь между Зеленским, гробокопателями и Гольдманом Мрозовский нащупал.

Подумав, что служба отнимает слишком много душевных сил, пан Эдвард немедленно вспомнил очаровательную кондитершу. Возможно, пан Пашкевич уже уехал открывать охотничий сезон и пора бы проведать пани Марьяну.

В кофейне было людно. Шуршали газеты, запах свежесмолотого кофе плыл над головами, возбуждая не хуже самого напитка. Пани Марьяна порхала между столиками, улыбалась посетителям и разносила заказы. Пан Мрозовский стал почти у самого прохода таким образом, чтобы кондитерша не смогла свободно зайти за стойку.

Засунув руки в карманы брюк, Мрозовский любовался собою в зеркале на противоположной стене. Конечно, он был еще вполне хорош собой: широкоплечий, немного располневший, но достаточно импозантный мужчина. Если не снимать шляпу, то о лысине нельзя будет догадаться. А вот бакенбарды у пана Мрозовского, как у столичного начальства – густые и с лёгкой проседью! Зеркало было массивным, в широкой, резной, позолоченной раме. Отчего Мрозовскому собственное отражение казалось портретом. Необычайно удачным портретом.

Пани Марьяна заметила кавалера, как только он вошел, но виду не подавала. Она только чаще покачивала пышными боками, и улыбка не сходила с миловидного лица. Это было их игрой. Один делал вид, что не замечает другого, а потом они слово случайно сталкивались и – о, чудо!

– Какая встреча! Как приятно видеть вас! Как поживаете?

Раскланивались, шаркали ножкой и любезно кивали головами на манер фарфоровых китайских болванчиков.

– Ах, какая встреча, пан Мрозовский! – пани Марьяна зарумянилась сдобной булочкой и выпустила в Мрозовского жаркую стрелу из карих глаз.

– Добрый вечер, пани Марьяна? А вы всё цветёте? Рад видеть вас в добром здравии! – Мрозовский слегка поклонился, заглядывая в вырез платья очаровательной кондитерши.

– Спасибо. Будьте любезны присесть за столик у окна, та пара сейчас уходит, – она показала пухлым пальчиком на крайний столик и зашла за стойку. – Вам как обычно?

– Вы же знаете мои пристрастия, – улыбнулся Мрозовский.

Мрозовский медленно размешивал в кофе сахар, вдыхал аромат и наблюдал за посетителями. В какой-то момент его фантазия взбунтовалась, и Мрозовский представил всех

голыми. Немного задумавшись, он сделал вывод, что в дезабилье публикой можно недолго любоваться. Все сразу стали не такими чопорными, как в одежде. Даже, можно сказать, беззащитными. Вон тот господин бухгалтерского вида. Препротивнейшая личность, и плечики у него эдаким домиком торчат, словно хочет он в них голову втянуть. Но глазки хитрющие, как у рака, осматривают всё вокруг внимательно и дотошно. Через столик панянка сидит. Шея у той панянки в красных пятнах, которые уходят под глухой воротник платья. Ей жарко, но другой наряд надеть нельзя, поскольку этих пятен по телу довольно густо. Кофе панянка пьёт с облезлым господином. Тот, похоже, тщедушен и не имеет растительности не только на лице, но грудь у него хилая и лысая. Жалкое зрелище.

Насмотревшись на посетителей, Мрозовский вспомнил о кондитерше и залюбовался ею, вообразив их в уединении на супружеском ложе пана Пашкевича. От фантазии Мрозовский возбудился и сильно покраснел. Да так, что пришлось доставать из кармана платок, чтоб вытереть капли пота на лбу.

Народу в кондитерской стало меньше, и пани Марьяна подошла к пану Эдварду.

– Завтра супруг мой, пан Пашкевич, изволит открывать охотничий сезон. Вернётся только через три дня, – сказала она тихо, многозначительно глянув на пана Эдварда.

– На кого же охотиться идёт?

– На болотную птицу. Дупель называется. Слышали о такой?

– Что-то, кажется, слышал. Я, знаете ли, дичи предпочитаю хорошо запеченную курочку, или утку с яблоками, – сказал Мрозовский и в животе у него громко заурчало.

Пани Марьяна рассмеялась и погрозила пальчиком:

– Вы бы пообедали, пан Эдвард. Ведь после таких разговоров аппетит может разыграться.

– Уж лучше я поужинаю, – хитро прищурился Мрозовский.

– А я, пожалуй, завтра курочку на ужин запеку, – протянула пани Марьяна, выразительно посмотрев. – Сегодня могу вам предложить шоколадный торт с фруктовой начинкой.

– С удовольствием! И повторите кофе, со сливками взбитыми, – попросил Мрозовский и сладко потянулся на пани Марьяну.

– Ах вы, озорник! Лень мне свою отдаёте, – сказала пани Марьяна, кокетливо передёрнув плечами, и ушла за стойку выполнять заказ.

«Хороша птичка, – думал Мрозовский, – такую не грех и отохотить».

* * *

Вечером следующего дня пан Мрозовский, спрятав в саквояж бутылку шампанского и коробку конфет, отправился к Пашкевичам. Нет-нет! Он шел не для того, чтоб проведать супругов и обсудить в их семейном кругу последние новости из Управы. Мрозовский шел к пани Марьяне обсуждать совсем иные темы. И даже можно сказать, что и не обсуждать вовсе он шел, а по другим вопросам.

Ещё в полдень Пани Марьяна торопливо чмокнула супруга в жесткую щетинистую щеку, солнечно улыбнулась, как для него единственного, и выпроводила за дверь. Потом она бросилась к купленной с утра на рынке курице, чтобы успеть приготовить её к приходу пана Мрозовского.

Аппетитный запах запечённой курочки расплывался даже в парадном. Пани Марьяна суетилась, поправляя прическу и внимательно осматривая гостиную. Она зажгла толстые свечи, брызнула на себя немного кёльнской воды, особо модной в этом сезоне, и села ждать на край кресла.

У двери раздался долгий переливистый звонок, и пани Марьяна вздрогнула. Муж всегда звонил подолгу, но несколько раз, а сейчас звонок был один. Облегчённо, вдохнув, она направилась открывать.

– Пани Марьяна, как же вы заставляете меня ждать под дверью, – тихо шептал Мрозовский, укоризненно качая головой и прижимая пани Марьяну к стене. – Зачем же так меня волновать, когда у меня и без того от ожидания встречи сердце готово умчаться за горизонт…

Мрозовский обслюнил любовнице ушко, после распрямил спину, откашлялся и спокойно спросил:

– Вы позволите пройти?

Пани Марьяна, всё ещё закатывая глаза, хрипло ответила:

– Конечно, прошу вас.

И Мрозовский пошёл на запах. Надо сказать, что вкусно покушать Мрозовский любил всегда, а вкусно приготовленную курочку готов был съесть без хлеба.

Пани Марьяна постаралась на славу. Стол был сервирован тонким саксонским фарфором. На изящных работах мануфактуры Мейсен кондитерша красиво разложила угощение. Отдельно, в вазочке, которую держали три фарфоровые пастушки, лежали фрукты. Скатерть, вышитая самой кондитершей лично, пестрела цветами. Край был украшен цветами помельче и мережкой.

Мрозовский грыз хрящик на косточке вприкуску с зелёным луком и печёным картофелем, попутно облизывая жирные пальцы, и вздыхал от обжорства. Пани Марьяна откушала лишь кусочек грудки и теперь взирала на любовника, поминутно вздыхая с надеждой, что сейчас он, наконец, наестся и сделает то, ради чего затевалось их свидание.

Пан Мрозовский подумал, что как же всё-таки хорошо! Дом пани Марьяны имеет проходной двор. Можно войти и выйти, и никто не будет знать наверняка, куда направился этот представительный господин с саквояжем в руке.

Окна гостиной Пашкевичей выходили на улицу. Единственный фонарь светил немного вдалеке, тусклый свет его приглушала листва росшего рядом каштана. В такой темноте мудрено было рассмотреть соглядатая, заглядывающего в окна Пашкевичей. Мужчину этого и родная мать в такой темноте не узнала бы. Он тихо, но очень неприлично ругался, едва удерживаясь на цоколе ногами, а руки, то и дело, соскальзывали со сточной трубы. Потянувшись, пытаясь заглянуть в неплотно зашторенное окно, он сорвался и упал на тротуар. Из-за пояса брюк довольно шумно вывалился наган.

– Чтоб вы мне были так здоровы, как вы жрёте эту курицу! – зло прошептал мужчина, прижимая к груди ободранные ладони.

Он подобрал наган, не спеша поднялся, поправил кепку, отряхнул брюки и направился к перекрестку. Подошел к каштану, закурил и посмотрел на пасмурное небо, скрывающее полную луну. В этот момент на его лицо упал тусклый свет от фонаря, и каждый беспризорник мог бы признать в этом человеке Мишу Гроссмана.

– Ну, хотя бы буду знать теперь, где вы проводите интересные вечера, пан Мрозовский, – тихо сказал Гроссман и сплюнул. – Может быть, пану Пашкевичу будет интересно узнать, кто так смачно жрёт жареную курочку в гостиной в его отсутствие. Надеюсь, пан Пашкевич хорошо умеет стрелять по бегущей мишени.

Миша Гроссман терпеть не мог Мрозовского, но по причине субординации вынужден был терпеть его высокомерие и гонор не по чину. В Управе и за её пределами Мрозовского за глаза называли визитёром. В небольших городах новости расходятся быстро, и о том, что Мрозовский заказал визитные карточки в местной типографии, в Управе узнали на следующий же день.

Народ похихикивал, встречая Мрозовского в кабинетах. У простого сыщика и визитки, как у члена городского Магистрата. Визитные карточки внешне были обычные, не считая

того, что все записи в них были сделаны золотом на плотной красной бумаге и торжественно выписаны с вензелями. В общем, не визитные карточки, а открытки с Рождеством. Привычку раздавать всем и каждому визитки в городе быстро сочли дурацкой, но моду переняли многие.

Миша еще раз оглянулся на окна Пашкевичей, ухмыльнулся и свернул за угол.

– Вы слышали? – спросил Мрозовский, вытянув шею и прислушиваясь.

– Да, – ответила пани Марьяна. Она стала бледна лицом и сейчас более всего на свете хотела, чтобы пан Эдвард испарился как видение спиритического сеанса.

Неверная пани Пашкевич очень боялась гнева супруга. Лирическое настроение испарилось, и кондитерша задумалась, какими словами предложить кавалеру удалиться.

Мрозовский тихо подошел к окну, отодвинул занавеску: за стеклом угадывались только слабые очертания дороги и дома напротив. Мрозовский чертыхнулся, быстро подошел к столу и налил полный бокал шампанского. Пани Марьяна глупо улыбнулась и тоже потянулась к бокалу, но любовник залпом осушил свой и обернулся к ней, готовый что-то сказать.

– Пани Марьяна, простите за столь поздний визит, я вынужден откланяться, ибо служебные дела ждать не могут. Смею надеяться, что вы простите и позволите посетить вас в ближайшее время в кондитерской.

Пани Марьяна слушала, выпучив глаза, потом согласно кивнула и пошла провожать гостя. Мрозовский испытывал благодарность к пани Марьяне, что та не закатила истерику или не попыталась удерживать. В передней он сухо попрощался, чмокнул ручку и, прихватив саквояж, тихо вышел.

Пани Марьяна расслабленно прислонилась к стене и наконец-то смогла вздохнуть глубоко.

– Езус Мария милостивая… Вот ведь точно – милостивая! – шептала она закрыв глаза. – Это знак мне был… Точно знак!

* * *

Мрозовский тихо шёл по ночным улицам, временами оглядываясь назад. Он хотя и был сыщиком, но очень боялся ходить в одиночку в темноте. И не потому боялся, что трусил. Совсем нет! Пан Мрозовский был хорошо осведомлён о том, что может произойти во время ночной прогулки, и не раз присутствовал при составлении протокола на месте происшествия, когда дворники на рассвете находили желающего совершить ночной моцион. У найденного, как правило, не было счастливого выражения лица, да и самого лица иногда не было, а так, одно название.

Сейчас Мрозовский шёл и думал. Кто это мог быть? В том, что кто-то за ним следил и пытался заглянуть в окно пани Марьяны, он не сомневался. Мрозовский решил, это означает одно – к кому-то он подошел уже довольно близко.

– Странно, если я рядом с какой-то разгадкой, то почему мне самому кажется, что всё ещё очень запутано и неясно? – Мрозовский бормотал себе под нос, поглядывая по сторонам. Он часто и глубоко вздыхал, его в последнее время стала мучить отдышка. – Панянка эта… Рузя… Доложили, что приходила на свидание к одному из гробокопателей. А ведь она вполне может находиться в курсе событий, а если пофантазировать, то и руководить, организовывать. Может быть, я рано её отпустил, а может и вообще не следовало её отпускать? Но, как же хороша чертовка!..

Мрозовский звонко причмокнул губами при воспоминании о прелестях Рузи, потом подпрыгнул с испугу и заторопился домой, побежав ещё резвее.

Дома его никто не ждал. Старенькая мама давно забыла своего сына, и каждое утро просыпалась счастливая. Пани Мрозовская не помнила ни кого и ни о чём. Её можно было очень обидеть с вечера, а утром она смотрела на вас приветливо и начинала заново знакомиться. Это было похоже на игру. Старенькая пани кокетливо поглядывала и следила, чтобы Эдвард ничего не спёр, думая, что его прислал Лёвочка. В отличие от сына, мужа, как ни странно она помнила просто отлично и неприязни к нему не испытывала, что удивляло соседей еще больше.

В своё время Лёвочка был известный ходок и транжира. Он любил обхаживать дам, напрашиваться в гости, в гостях очень часто бывал обласкан, и возвращался домой сытым котом. Конечно же, не каждый раз Лёвочку Мрозовского провожали пылким взором, иногда он терпел фиаско, и это было видно невооруженным глазом: следы поражения оставались на лице. Тогда жена жалела своего глупого мужа, делала ему примочки и вздыхала. Теперь пани Мрозовская каждое утро ждала мужа. Она не помнила, что он давно умер, и что на похоронах плакала и тихо благодарила Бога, что избавил её от этого кобеля.

Каждое утро к Мрозовским приходила соседка, пани Сима, которую пан Эдвард нанял помогать по хозяйству, но много денег за это не брала. Пани Сима когда-то нянчила маленького Эдюню и ещё помнила пани Мрозовскую, когда та была при своём уме.

– Кто там? – спросила старушка, услышав, как стукнула входная дверь.

Мрозовские хотя и жили в своём доме, но жили небогато. Домик был на две комнаты. В дальней спал сам Мрозовский, в проходной комнате обедали и принимали гостей. Было еще подобие кухни и передней, где стояла лежанка, на которой спала мама Мрозовского.

– Мама, это Эдюня!

– Какой еще Эдюня? Лёва, это ты?

– Ой, мама… Снова вы за своё. Спите уже!

Мрозовский прошел к себе и скоро улёгся в постель. В маленьком окошке, увитом плющом, в верхнем углу виднелся месяц. Мрозовский с детства хорошо засыпал, когда смотрел на тонкий изгиб месяца, но сейчас сон не хотел к нему приходить. Он впервые не мог уснуть, думая о службе. Дело гробокопателей уже не казалось ему таким уж простым. Требовалось приложить усилия, чтобы раскрыть его и снять пенку. Денежный стимул сработал бы как нельзя лучше, но Мрозовскому очень хотелось орден. Или медаль. Но обязательно, чтоб с благодарственным письмом от начальника Управы. Он был уверен, что в его возрасте уже неприлично не иметь ордена.

Когда Мрозовский заснул, ему снилось торжественное вручение ордена в Ратуше, при полном сборе всего Магистрата, где собрались служащие, родственники и гости. После того, как начальник Управы поцепил ему на грудь сверкающую побрякушку, подбежала Рузя в неприлично коротком наряде и белоснежных батистовых панталонах, чмокнула начальника в щеку и повисла на шее у Мрозовского.

– Ты мой герой! – задорно блестя глазами, кричала ему в лицо Рузя.

Рядом стояла чета Пашкевичей и Мрозовский неприметно лапал пани Марьяну, а та кокетливо хихикала, заглядывая в глаза супруга.

Весь этот балаган закончился, когда рассветный луч солнца осветил скромное убранство комнаты. Мрозовский проснулся, откашлялся и пошел до ветру.

* * *

Рузя красовалась перед зеркалом, примеряя наряды. Она шла на свадьбу дочери пана Зеленского и хотела выглядеть соответственно. Общество обещалось быть шикарное, а надеть было решительно нечего. Бросив в нервах все платья на кровать, Рузя собралась к Зельде, чтобы заказать наряд. В шифоньере давно пылился отрез на платье: красивый креп-

дешин цвета шоколада. Завернув отрез в чистую тряпку, положила в корзину и вышла из дома.

Рузя любила жизнь и себя. Себя она любила больше. Молодость кипела в ней, брызгами рассыпаясь из глаз и вылетая из-под каблуков туфель. Рузя понесла аппетитное тело, поглядывая по сторонам, и ловила на себе похотливые взгляды, проходивших мимо лавочников, школяров и разного рода клерков. Они косились в её сторону и, наверное, бежали бы за ней как похотливые кобели, но мораль держала их покрепче жесткого поводка. Иначе их руки сорвали бы тонкое платье Рузи, чтобы поскорее добраться до вожделенного тела, какое они себе нафантазировали.

– Зелюнця! – заорала Рузя, стоя под окном подружки.

– Тише ты! Всех клиенток распугаешь! – зашипела на неё Зельда, свесившись из окна. – Ты зачем так горланишь? И какая я тебе Зелюнця? Мадам Зельда. Поняла?

– Поняла, – рассмеялась Рузя. – Зайти хоть к вам можно, мадам Зельда?

– Заходи, только подождёшь в кухне, ко мне клиентка важная на примерку пришла.

Важной клиенткой оказалась пани Зося Зеленская, та, что была дочерью Рузиного любовника.

Рузя сидела в Зельдиной кухне тихо, как мышь, и стремилась поймать каждое слово, сказанное пани Зосей. Ей хотелось заранее проникнуться манерами и речью того общества, в которое она собиралась войти. Ничего особенного Рузя не услышала. Обычное, как для девушки, обсуждение платья с портнихой: где ушить, а где отпустить. Наконец пани Зеленская ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.